

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Аркадий Зюзин

НЕБО ПЕТРА ХУДОВА

ПЕТРА АМИТРИЕВИЧА ХУДОВА
К 105-ЛЕТИЮ
 АМИТРОВСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
 МЕЖПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ
 БИБЛИОТЕКИ

Дорогие друзья!

Предлагаемая вам книга расскажет о замечательном сыне Дмитровский земли, прославленном летчике-истребителе Великой Отечественной войны, Герое Советского Союза Петре Дмитриевиче Худове, о его жизни и подвигах.

Эта книга – о том, как простой яхромский парнишка шел к исполнению своей мечты о небе, как, в конце концов, он стал одним знаменитых летчиков-асов, легендой советской истребительной авиации.

Сватово, Славянск, Купянск, Изюм – названия этих городов на Донбассе ныне у всех на слуху, потому что в этих местах уже почти год полыхает битва, в которой воины Российской армии сошлись не на жизнь, а на смерть с бандеровскими неонацистами – коричневой чумой XXI века. Восемьдесят лет назад в этом небе Петр Худов громил немецко-фашистскую нечисть, сходилась в

жестоких схватках с хваленными гитлеровскими асами. Именно в небе над Донбассом Худов стал Героем Советского Союза.

А сейчас внуки и правнуки героев Великой Отечественной проявляют на полях сражений героизм и отвагу, мужество и стойкость, продолжая традиции своих славных предков, так же, как и они, свято веря в то, что наше дело – правое, Победа будет за нами.

Мне довелось знать Петра Дмитриевича Худова лично. И меня всегда восхищало то, как он даже в очень почтенном возрасте сохранял несмотря ни на что несгибаемую стойкость и поразительное жизнелюбие, ясность мыслей и принципиальность суждений.

Уверен, что данная книга будет весьма полезной для всех вас.

Игорь Тарелкин,

Герой Российской Федерации,

летчик, парашютист испытатель I класса,

Почетный гражданин Дмитровского городского округа

Московской области

*Мы крылья и стрелы попросим у Бога,
 Ведь нужен им ангел-ас,
 А если у них истребителей много -
 Пусть примут в хранители нас!*

Владимир Высоцкий

ОТ АВТОРА

Петр Худов. Имя этого летчика, героя Великой Отечественной войны, значится в списке пятидесяти лучших советских асов той поры. По некоторым данным, с сентября 1942 по май 1945 г. он совершил около 160 боевых вылетов, в 68 воздушных боях сбил 17 самолетов противника лично и 1 – в составе группы. Возможно, общее число побед Петра Худова и больше 17. Согласно другим источникам на его боевом счету числится восемнадцать личных и шесть групповых побед. Есть также свидетельства о том, что за годы войны летчик-истребитель П. Д. Худов сбил лично 24 вражеских самолета и 6 – в группе. Однако, документального подтверждения этих побед пока еще не обнаружено.

Кажется, что по сравнению с количеством побед Кожедуба, Покрышкина, других знаменитых советских летчиков Великой Отечественной личный счет Худова выглядит достаточно скромным. Но...

Статистический подход, где главное внимание уделено результату, без учета всех обстоятельств не всегда верен. Хотя бы потому, что подавляющее большинство своих боевых вылетов Петр Худов совершил на сопровождение и прикрытие бомбардировщиков и штурмовиков. Именно в этих вылетах он добился значительной части своих побед. И главным их результатом было то, что сопровождаемые им и его подчиненными бомбардировщики и штурмовики не потеряли от действий вражеских истребителей ни одной машины, ни одного экипажа. Поэтому, если класть на одну чашу весов количество сбитых неприятельских машин, а на другую – десятки сбереженных жизней, то, наверняка, вторая чаша перевесит.

Не стоит также забывать о том, что большую часть групповых побед составляли личные победы асов, поделенные или отданные менее опытными соратникам, чтобы поднять их моральный дух, вселить уверенность в свои силы. И Петр Худов не был исключением из числа этих асов.

Главное – они победили в боях отважного, дисциплинированного, абсолютно безжалостного противника, оснащенного самой современной немецкой техникой и дравшегося до конца.

После войны жизнь многих великих советских летчиков сложилась драматично. Уцелев в кровопролитнейших сражениях, в силу различных обстоятельств они были уволены из ВВС в расцвете сил и способностей. Не миновала эта судьба и Петра Худова. Последствия тяжелого ранения поставили крест на его летной карьере. Но не на его жизни, которую он прожил долго и красиво. Прожил, сумев до самого последнего своего дня сохранять присутствие духа, используя любую возможность быть нужным не только своим близким, но и сотням тех, кому посчастливилось знать его.

* * *

Казалось, будто вокруг и не существовало других ярких цветов, кроме голубизны бесконечного безоблачного неба и пышной зелени лесов на холмистых грядках, обрамлявших долину, по которой причудливо петляла река Яхрома. Особенно торжественно эта красота открывалась по утрам с вершины холма, на котором раскинулось старинное село Перемилово. С этой высоты окрестности просматривались на десяток с лишним верст: на юге сверкали золотом купола Спасо-Влахернского монастыря, а на севере вторили им в солнечных лучах кресты дмитровских церквей. В трех верстах напротив на соседнем, восточном, берегу Яхромы на таком же холме в окружении деревенок Леоново и Суровцево белоснежно и величественно высился Троицкий собор. У подошвы этого холма коричневели кирпичные постройки поселка фабрики Покровской мануфактуры. Единственное, что портило эту бирюзово-лазурную пастораль, – фабричные трубы, непрерывно дымившие у самой реки. По правой стороне долины, то сходясь, то расходясь, тянулись из Москвы в сторону Дмитрова две дороги – почтовая и железная. И если почтовая, или Дмитровский тракт, существовала испокон веку, то Савеловская железная дорога пролегла через эти места менее полутора десятка лет назад. Первые поезда прошли по ней в 1900 году. В следующем году неподалеку от деревни Большие Семешки появилась железнодорожная станция со всеми положенными ей атрибутами: семафорами, стрелочными переводами и станционными постройками. Станции был присвоен V класс (на однопутной дороге с небольшим транспортным потоком) и назвали Яхрому. Позднее ее соединили одноколеейной веткой с Покровской мануфактурой и поселком, а получившийся таким образом конгломерат стал также называться Яхромой.

Въезд и выезд со станции были оборудованы стрелочными переводами. Одна стрелка находилась непосредственно на станции. Вторая – в полуверсте от нее на пересечении с одноколеейкой у подножия Перемиловской высоты. Там же располагалась стрелочная будка – пост стрелочника.

Вот только стрелочник у Перемилова был не простой. Им была сорокалетняя вдова Федосия Васильевна Худова. Что ж тут необычного? Да потому, что в те времена работа на железной дороге считалась ремеслом исключительно мужским, и увидеть женщину-путейца было столь же необычно, как и повстречать на улице мужика в багетной пачке.

Родилась она в Починках, маленькой деревеньке близ Покровской мануфактуры. Там выросла, там же вышла замуж за жестянщика Ивана Худова, работавшего в одной из многочисленных мастерских «Фабрики металлических механических игрушек П.П. Талаева с сыновьями».

Стрелочник на железной дороге, фото 1900 г.

Однако всю жизнь возиться с английской жестью, оловом, свинцом, соляной кислотой и паяльником Иван Худов не собирался. Поэтому через пять лет, когда в этих местах развернулось строительство Савеловской железной дороги, он, недолго думая, подался в путейцы. Некоторое время работал на прокладке путей, на строительстве станции. А ко времени пуска первых поездов, успев освоить несколько путейских профессий, устроился стрелочником на открывшейся станции Яхромы.

Новая работа помимо строгих обязанностей имела и несомненные плюсы. Несмотря на то, что в те времена путейец жил как простой крестьянин, он имел ряд существенных привилегий. Первое – у него был паспорт. Плюс к этому – зарплата, в сравнении с которой заработка Худова у Талаевых были жалкими грошами. Вдобавок – казенные жилье и дрова, бесплатная форма, льготы, полагающиеся работникам железных дорог. Так что у Худовых теперь был свой домик с большим палисадом, появилось и хозяйство – корова, несколько коз, домашняя птица. Благо, размер покоса был почти неограниченным: травы на казенных землях вдоль железной дороги можно было косить сколько хочешь. В общем, жизнь наладилась.

Беда случилась весной 1906-го.

Весь предыдущий год Россию сотрясали восстания и бунты первой русской революции. И если поначалу Дмитровский уезд каким-то образом оставался в стороне от этих событий, то в ноябре месяце революционная лихорадка охватила и его. Забастовали рабочие Покровской мануфактуры в Яхrome. На фабрику для усмирения бастующих прислали казаков.

По счастью, долгое время удавалось избегать столкновений. Помогло этому еще и то, что графиня Александра Михайловна Апраксина, дабы рабочие мануфактуры и их семьи не испытывали нужды в продуктах из-за внезапно закрывшихся лавок и магазинов, собрала и прислала в Яхрому обоз из двенадцати подвод с мукой, крупами, подсолнечным, конопляным маслом и несколькими бочками керосина. Содержимое обоза под присмотром собранной по такому случаю комиссии распределили между нуждающимися. На некоторое время почва, во всяком случае, для голодных бунтов исчезла...

Но вскоре в Москве полыхнуло знаменитое Декабрьское восстание, и 12 декабря стачка на Покровской мануфактуре возобновилась с новой силой.

С самого начала волнений на Покровской мануфактуре яхромское станционное начальство, опасаясь диверсий на железной дороге и в ожидании переброски войск, перевело весь персонал на чрезвычайное положение. Почти два месяца обходчикам, стрелочникам, путевым рабочим приходилось сутками, практически без перерыва, на лютном морозе находиться на рельсах, по десятку раз прочесывая пути, обследуя каждую шпалу, каждый стык, каждый костыль.

Иван Худов в результате этого серьезно простудился и заболел. Справиться с тяжелым воспалением легких он так и не смог и через два месяца его не стало.

Для Федосии Худовой смерть мужа стала катастрофой. Рушилось все, что так заботливо строилось и складывалось годами. Мало того, что осталась одна с тринадцатилетним пацаном на руках, так ведь теперь возникала перспектива оказаться со всеми пожитками на улице: жилье – казенное и, если не работаешь на железной дороге, его надо освободить.

Только похоронив мужа, Федосия отправилась к начальнику станции Кондратьеву в надежде выпросить у него хотя бы какую-нибудь работу. Просила оставить ее стрелочником, мол, справлюсь не хуже мужа.

– Да как же я тебя оставлю? Сама подумай, ведь не место бабе на железной дороге, – с ходу отказал Кондратьев. – Тем более, сюда скоро прибудет военный железнодорожный батальон, вообще всех путейцев на солдат заменят. Ну что я могу сделать?

Было отчего впасть в отчаяние.

Но мир не без добрых людей. За советом и помощью Федосия обратилась к настоятелю Вознесенской церкви отцу Николаю Купленскому. Попросила походатайствовать за нее, объяснила ему, что сможет заменить мужа на его месте, что дело знает не хуже его, тем более, что пока он хворал, она прекрасно справлялась с работой на стрелке.

В 1893 году у Федосии и Ивана родился сын Дмитрий, будущий отец будущего Героя Советского Союза Петра Худова.

Графиня Александра Михайловна Апраксина с мужем Виктором Владимировичем. Колорированное фото с дагеротипа Вигнера, 1849 г.

Батюшка в помощи вдове не отказал. Похлопотал сам и, более того, подключил, по всей видимости, к хлопотам Александру Михайловну Апраксину. Как бы то ни было, вопрос о трудоустройстве Худовой в течение двух недель разрешился положительно, даже несмотря на прибытие в Дмитров из Барановичей 3-го железнодорожного батальона, призванного заменить бастовавших железнодорожных рабочих.

Жизнь постепенно вошла в нормальное, спокойное русло, пусть и не такое как раньше. Забот, конечно же, прибавилось – ведь домашнее хозяйство меньше не стало. Благо, сын Митька к этому времени уже окончил церковно-приходскую школу и почти полностью принял хозяйство на себя: покос, заготовка сена, дрова, уход за скотиной.

Лет с пятнадцати Дмитрий начал время от времени пристраиваться в помощники к путевым обходчикам: отправлялся с ними на обход участков до Шпилева или до Влахернской, таскал инструменты и, при необходимости, помогал ремонтировать путь – подбить ослабший костыль или затянуть гайку на разболтавшемся стыке. Оплату обычно получал харчами – мукой или крупой. В доме это было отнюдь не лишним. В этих заботах и трудах незаметно пролетело семь лет.

В июле 1913 года Дмитрию Худову исполнилось 20 лет. Федосия, глядя на повзрослевшего сына, все чаще стала задумываться над тем, как строить жизнь дальше. Женить бы его – с невесткой веселей будет. А там, глядишь, Бог даст – и внуки пойдут...

Поиски долгими не стали – одна из дальних родственниц Федосии порекомендовала ей свою племянницу Пелагею Иванову. Смотрины, а затем и сватовство прошли удачно, все сладилось. Да и молодые приглянулись друг другу.

А в октябре, сразу же после Покрова, Дмитрий Иванович и Пелагея Артемьевна обвенчались в Перемилове в Вознесенском храме. В общем, все складывалось так, как Федосия сама в свое время и распланировала.

С соседом, престарелым обходчиком, договорилась о том, что тот через год уступит свое место Дмитрию. А пока за пол оклада жалования Дмитрий будет работать за него. Сама же решила поработать еще несколько лет, ну а коль дети появятся, тогда и Митьку можно будет на свое место поставить...

По этому плану прожили почти год.

Но 1 августа 1914 года Германия объявила войну России – грянула Первая мировая война. В стране объявили мобилизацию.

Поначалу Худовы по поводу этого особо не беспокоились – железнодорожники призыву в армию не подлежали. Все изменилось через два месяца, когда сосед-обходчик, нарушив данное им слово, пристроил на свое место кого-то из родни, желая оградить того от мобилизации. Таким образом Дмитрий Худов не только оказался без заработка, но и будущее его стало очень неопределенным. А тем временем Пелагея была уже беременна первенцем...

То, чего так боялись, случилось в феврале 15-го – Дмитрия призвали в армию. Так что рождения сына, который появился на свет через месяц, он не застал.

Мальчика окрестили Василием.

Дмитрий Худов в действующей армии, фото 1915 г

Василий Худов с матерью Пелагеей Артемьевной (справа) и теткой Марией, фото 1916 г

Воевать Дмитрию Худову довелось кавалеристом на Юго-Западном фронте, где он участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. В июле 1917 года он был ранен и отправлен в тыл. Отлежавшись несколько недель в госпитале, получил отпуск по ранению и после многодневных скитаний по городам и весям летящей в пропасть Российской империи, наконец, добрался в середине августа до своей Яхромы.

Мирная жизнь продлилась совсем недолго: грянула Великая Октябрьская революция, а уже весной 1918-го в России во всю полыхала Гражданская война. В июне этого года Дмитрий Худов был мобилизован в Красную Армию и оказался на Южном фронте в коннице Буденного. В ее составе Худов дрался на Маньче и Сале с кубанскими конниками генералов Улагая и Покровского, в аксайских степях и под Камышином сходилась в сабельных схватках с казаками генерала Мамантова. Осенью этого же года он в коннице Буденного громил корпуса Шкуро и Мамантова под Воронежем и Касторной.

В декабре 1919 года у железнодорожной станции Сватово состоялся бой, ставший последним в военной карьере помкомандира эскадрона Дмитрия Худова. Развернувшаяся в атаке на Сватово кавалерийская лава попала под ураганный артиллерийский огонь белогвардейского бронепоезда. Взрыв трехдюймового снаряда убил под Худовым коня и швырнул всадника на холодный, покрытый пороховой копотью снег. Через несколько часов его, тяжело контуженного, иссеченного осколками и успевшего изрядно обморозиться, подобрали санитары.

Потом были два месяца госпиталей. Раны заживали долго и тяжело, особенно пробитое осколком легкое. Из-за этого у Худова развился плеврит, который толком вылечить так и не удалось. А в конце февраля 20-го его комиссовали подчистую и отправили домой.

Через неделю изнурительных скитаний на перекладных он сумел добраться до Яхромы и совершенно обессиленный, исхудавший, больше похожий на привидение появился на пороге своего дома.

К этому времени у Дмитрия Худова подрастал уже второй сын. Буквально через неделю после отъезда Дмитрия на Южный фронт у Худовых родился мальчик.

Роды прошли удачно, но мать сразу впала в горячку. Предположили, что горячка эта – родильная, но оказалось – сыпной тиф. Петр Захарович Коняров, знаменитый яхромский врач, принимавший роды у Пелагеи Худовой, распорядился немедленно забрать младенца из больницы, и первой кормилицей Петра Худова стала... коза. Именно козьим молоком из рожка выкармливали будущего аса, пока через полтора месяца, наконец-то, справившись с тифом, из больницы вернулась мать.

Как-то в один из декабрьских дней 1918-го Пелагея вдруг вспомнила, что младшенький, которого она уже несколько месяцев величала Петром, Петрушей (видимо, в память и благодарность доктору Петру Конярову, принявшему ее сына и столько сделавшего, чтобы она живой и здоровой вернулась домой), до сих пор не крещен и нигде не зарегистрирован.

Глянули со свекровью в святцы – имя Петр выпадало на 23 декабря. Тогда и решили покрестить мальчишку.

В этот день с утра отправились в Перемилovo в Вознесенскую церковь, где ее настоятель отец Николай Гусев совершил обряд крещения, после чего новокрещенный раб

Божий Петр Худов с матерью, бабушкой и старшим братом отправились в поселковый совет, чтобы выправить метрику.

Придя в совет и предъявив регистратору отдела ЗАГС будущего гражданина Советской республики, долго спорили, вспоминая, в который же день он родился.

Тем временем пожилой регистратор достал из ящика бланк метрики и, не обращая внимания на пререкания заявительниц, заполнил его на текущий день. Таким образом, крестины превратились в день рождения, а будущий летчик-ас и Герой Советского Союза Петр Дмитриевич Худов, сам того не желая, сразу помолодел почти на семь месяцев.

В декабре 20-го в семье случилось очередное прибавление – родилась девочка. Нарекли ее Зинаидой. Уже в 1921 году у Худовых появился третий сын – Виктор, а в 1926 году прибавилось опять – родился сын Николай. Жить таким большим семейством стало, конечно же, веселей, но маленький пристанционный домик стал для семерых его обитателей явно тесным.

Весной 1922 года Худовым было выделено две комнаты с кухней на Алексеевской даче в деревне Андреевка, где они проживут до 1930 года.

1 сентября 1929 года неподалеку от Леоновской казармы открыла двери только что построенная средняя (девятилетняя) школа №1. В этот день ее порог переступили сразу трое Худовых – пятиклассник Петр, Зина, перешедшая во второй класс, и первокласска Виктор.

Минуло четыре месяца, и наступил 1930 год. В октябре этого года в одну из стылых ночей на Алексеевской даче случился пожар.

Первым от запаха гари проснулся отец. Выглянув в коридор, он тут же захлопнул дверь – там уже во всю бушевало пламя. Постучав по стенам, чтобы разбудить соседей, он выбил окно и, вытолкнув в него жену и детей, начал выбрасывать наружу все, что мог собрать, все, что попадалось под руку – одежду, белье, домашнюю утварь. Когда огонь проглотил дом почти полностью, уже в дымящемся исподнем выпрыгнул в окно сам.

Через неделю он слег. Его увезли в больницу, откуда он домой уже не вернулся. Сильнейшая простуда вкупе с туберкулезом за неделю уничтожили бывшего красного конника Дмитрия Худова. Похоронили его подле успевшей изрядно обветшать могилы отца, Ивана Худова, на погосте у Вознесенской церкви в Перемилово.

Вид на Покровскую церковь села Андреевское, фото нач. 1970-х гг.

Не успели собрать поминки на 9 дней после смерти отца, как пришлось опять идти на Андреевский погост – хоронить Зину. Простудившись на похоронах отца, она сгорела в течение трех дней. Еще неделя, и ни с того ни с сего умер четырехлетний Коля. От чего – так никто и не понял. Просто взял и не проснулся утром. Не успели собрать поминки на девять дней после смерти отца, как опять пришлось идти на погост – теперь хоронить Зину. Простудившись на похоронах отца, она сгорела в течение трех дней. Еще неделя и ни с того, ни сего умер четырехлетний Коля. От чего – так никто и не понял, просто взял и не проснулся утром.

Через несколько месяцев оставшиеся в живых Худовы перебрались в комнатенку в 3-й Починковской казарме, которая оставалась их постоянным местом жительства вплоть до октября 1943 года.

Сыновья из всего происходящего делали свои выводы.

По крайней мере, в одночасье повзрослевший двенадцатилетний Петя Худов в ту пору раз и навсегда усвоил несколько вещей: надо надеяться только на самого себя, надо ценить и беречь все, что имеешь, нельзя жалеть себя и нельзя никому завидовать.

Кроме всего прочего, Петр, вспоминая отца, его недуги и немощь, утвердился еще и в том, что обязательно надо быть здоровым и сильным. Поэтому он активно занялся спортом и уже в 1934 году совершенно заслужено носил на груди значок «Готов к труду и обороне СССР».

Осенью 1932 года, когда Петр Худов начал учебу в седьмом, выпускном, классе в Яхrome все круто поменялось: началось строительство канала Москва – Волга.

В Дмитрове обосновывалось управление Дмитлага НКВД, со всеми его службами и конторами, а на всем протяжении русла будущего канала, по обоим его берегам, в течение нескольких месяцев появились многочисленные лагеря, куда десятками тысяч свозили эзков со всех концов страны. Во внутренних документах ОГПУ эти лагеря скромно именовались «рабочими поселками».

Такой «рабочий поселок» вскоре появился неподалеку от железнодорожной станции в лощине между Перемиловым и Большими Семешками. Яхрому сразу же наводнили ссыльные всех мастей и расконвоированные, имевшие право выхода из зоны, по большей части из числа уголовников.

Яхрома и ее окрестности. Фрагмент карты Института геодезии и картографии ГГУ ВСНХ СССР

Младший из братьев Худовых, Витька, через некоторое время после переезда в казарму потихоньку начал отбиваться от рук. Пользуясь тем, что мать с Василием с утра до вечера были на фабрике, а вечно занятому Петру, который еще и учился в это время в школе ФЗУ, тоже было не до него, младший Худов стал пропускать занятия в школе. Почти все время пропадал на улице, возвращаясь домой лишь под вечер.

С появлением же в поселке эковской зоны вовсе пустился во все тяжкие. Завел знакомства с блатарями, отиравшимися в поселке. С пацанской ватагой из своей и соседних казарм сразу же после школы часами крутился возле зоны, где они промышляли тем, что на хлеб и где-то раздобытую махорку выменивали у эков самодельные ножи-финки.

А то еще устраивали не по-детски жестокие драки стенка на стенку с такими же малолетними обитателями Леоновской, Слесарской или Южной казарм. Одна из таких драк с леоновскими, случившаяся осенью 33-го возле одной из Починковских казарм, превратилась в настоящее побоище и едва не закончилась трагедией. В массовой потасовке с обеих сторон принимало участие свыше трех десятков юных гладиаторов в возрасте от 12 до 15 лет. В ход пошли не только кулаки, но также дреколье, кастеты и цепи. На то, чтобы растащить дерущихся, кроме милиции, было мобилизовано практически все взрослое население казарм, находившееся в это время дома.

Витьке эта драка, помимо полученных в ней синяков, стоила еще и жесточайшей трепки от матери, дополненной воспитательной беседой с Петром, в ходе которой у воспитуемого сыпались искры из глаз после каждой из нескольких увесистых братских оплеух. Видимо, осознавая свою неправоту, возмущаться, а тем более противостоять брату Витька не посмел. Вдобавок к этому, мать строго наказала Петру не отступать Виктора ни на шаг от себя.

Первое, с чего начал Петр, – привел брата к руководителю физкультурного кружка «Муравей – 19» при Яхромской фабрике Николаю Филипповичу Комкову, известному организатору спортивного движения, заслуженному мастеру спорта СССР, и тот принял его в спортивный кружок. Начали тренироваться вместе.

Постепенно Виктор втянулся в занятия и, наконец-то, найдя выход своей неуемной энергии, стал добиваться серьезных успехов. Уже к своему шестнадцатилетию Виктор Худов в своих спортивных достижениях не только сравнялся со старшими братьями, но кое в чем и превзошел их.

В 1934 году Петр закончил обучение в школе ФЗУ, освоил несколько рабочих специальностей, как и старший брат Василий, пошел работать на ткацкую фабрику. Для начала помощником ткацкого мастера, а уже через несколько месяцев он, шестнадцатилетний парень, возглавил бригаду по капитальному ремонту станков. Тогда же Петр вступил в комсомол.

В 1935 году в Дмитрове открывается Дмитровская летная школа Спортивного общества «Динамо» Дмитлага НКВД. Обучение в школе было организовано в трех группах: пилотов, планеристов и парашютистов. Петр Худов записался на планерное отделение одним из первых. Начались занятия, тренировки, первые полеты на отлогих спусках Ковшинской горы. Тогда-то Петр впервые оторвался от земли, и с той поры остановить его стремление стать летчиком стало уже невозможно.

Вместе с Петром к занятиям в аэроклубе приступил и Виктор Худов. К этому времени он, следуя по стопам своих старших братьев, окончил семилетку. Затем, отучившись в школе ФЗУ, также поступил на работу на Яхромскую ткацкую фабрику.

Петру Худову 18 лет, фото 1936 г.

Петр Худов (стоит первый слева) на занятиях в планерной школе, Ковшинская гора, 1935 г.

Активные занятия спортом сделали свое дело: к семнадцати годам Виктор выглядел настоящим атлетом, одним только своим видом вызывающим уважение. Правда, в отличие от старшего брата, он после нескольких прыжков с парашютной вышки в дмитровском парке «Таборы» и с самолета решил стать парашютистом.

Учеба в школе, что называется, без отрыва от производства давалась нелегко. И не из-за того, что Худова что-то не получалось – просто катастрофически не хватало времени. Поэтому через год занятия в клубе пришлось на некоторое время прервать. Вернуться к ним, уже на отделение пилотов, возможность появилась только в начале 1939 года, когда Дмитровская летная школа для улучшения подготовки летчиков была преобразована уже в филиал Московского областного аэроклуба имени Ляпишевского.

В одну летную группу кроме Петра Худова начальник аэроклуба Александр Николаевич Моложаев определил также Андрея Ефименко, Николая Жемаева, Михаила Рыбакова, Сергея Башилова, Ивана Вострухина и Ивана Николаева. Их инструктором стал Дмитрий Назаров. Он и назначил Петра как самого старшего по возрасту и авторитетного своим заместителем и старшим летной группы. Вскоре к группе присоединился и Владимир Махалин.

Быстро сдружились. Жемаева и Башилова Худов знал и раньше, так как жили в Яхроме по соседству, и родители их работали на одной фабрике. Однако и дмитровчане Махалин, Ефименко, Рыбаков и другие вскоре также стали хорошими друзьями Петра Худова.

В другой группе учлетов, инструктором которой первые несколько месяцев был Михаил Никишин, среди других учился Константин Аверьянов. Все вышеперечисленные стали в итоге военными летчиками. А Худов, Никишин, Аверьянов и Махалин – еще и Героями Советского Союза.

Виктор Худов, фото 1940 г.

Учиться было чрезвычайно интересно и увлекательно. Братьев Худовых не останавливало даже то, что каждый раз, чтобы попасть на занятия, им приходилось пешком проделывать путь в 10 с лишним километров от Яхромы через Елизаветино, Микишкино, Волдынское и обратно. Причем большей частью не по дороге, а по холмам и буеракам. Не реже раза-двух в неделю случались ночные дежурства на аэродроме. И при этом работу на фабрике никто не отменял... И так до самого февраля следующего, 1940 года.

В начале месяца Петр сдал все предусмотренные программой итоговые зачеты и экзамены и получил свидетельство об окончании аэроклуба, а уже в марте месяце он был направлен на учебу в Качинскую Краснознаменную военную авиационную школу пилотов имени Мясникова.

Вскоре поезд Москва – Севастополь уносил Худова с Казанского вокзала навстречу мечте, навстречу неизвестной и, как ему тогда казалось, обязательно счастливой судьбе.

По рассказам инструкторов в аэроклубе он знал, что Качинская Краснознаменная военная авиационная школа пилотов – первая в России летная школа. И лучшая. Во всяком случае, именно она тогда считалась ведущим поставщиком и главной кузницей авиационных кадров для истребительной авиации ВВС Рабоче-крестьянской Красной Армии. Капитан, сопровождавший в поезде Худова и еще пятерых будущих курсантов из других подмосковных городов, поведал также о том, что эту летную школу окончил годом раньше сын самого вождя народов Иосифа Сталина Василий. С этим капитаном несколькими днями раньше Петр встретился в кабинете у военкома. Звали его Иван Федорович Осмаков.

Через двое суток, ранним утром, прибыли в Севастополь.

Летная школа и военный городок Кача располагались на берегу моря неподалеку от устья одноименной речки.

По прибытию курсантов распределили по эскадрильям, отрядам и звеньям. Всего эскадрилий было семь. Каждая из них состояла из двух отрядов, отряд – из четырех звеньев, в звене было несколько учебных летных групп. Худова и его попутчиков определили во вторую эскадрилью.

Началась курсантская жизнь с прохождения курса молодого бойца: с утра до вечера – занятия по строевой, физической подготовке, изучению уставов. На огневой подготовке осваивали винтовку, правила ухода за ней, приемы штыкового и рукопашного боя, занимались практической стрельбой в тире.

Командир звена старший лейтенант Дорошенко был чрезвычайно суров и строг, не оставляя незамеченным ни малейшего отклонения от установленных порядка и правил. Он был совершенно нетерпим к расхлябанности и неопрятности. Поэтому за внешний вид спрашивал особо.

Нельзя сказать, что Худову на этих первых порах приходилось тяжело: жесткий военный распорядок его не пугал, к непривычным для других новобранцев физическим нагрузкам он был вполне готов. В конце-то концов, не за красивые же глаза он стал в свое время обладателем значка ГТО.

Военную присягу торжественно приняли незадолго до Первомайского праздника, а в середине июня уже приступили к полетам.

Его подтянутость и основательность не осталась незамеченной командиром звена: сразу же после присяги с подачи старшего лейтенанта Дорошенко Петра назначили командиром отделения курсантов.

Полетами обычно руководил командир отряда капитан Осмаков, иногда – командир эскадрильи майор Коробко. Летчиком-инструктором был младший лейтенант Николай Сивцов. Он сам лишь несколько месяцев назад закончил учебу, и как один из лучших выпускников был оставлен в школе и назначен инструктором.

Выполнять полеты приходилось с разных площадок. Всего их было четыре. Первая располагалась в Мамашайской долине, в 12 километрах от центрального аэродрома, с этой площадки летали на У-2, УТ-2 и выполняли прыжки с парашютом. Следующая, летняя, находилась восточнее центрального аэродрома. С нее также летали на самолетах У-2, УТ-2 и прыгали с парашютом. Третья площадка, Альма-Томак, располагалась на берегу одноименной реки в 22-х километрах севернее Качи. Оттуда выполняли полеты на У-2, И-16 и УТИ-4. Площадка Николаевка находилась километром севернее от Альма-Томак, была предназначена для полетов на У-2, И-16 и УТИ-4.

* * *

Худов не раз порывался разыскать своих аэроклубовских однокашников – Башилова, Махалина, Ефименко

Как-то в один из сентябрьских дней Петр во время перерыва между занятиями сидел в курилке вместе с новобранцами, слушая вполуха их разговоры, перебирал сделанные в своей рабочей тетради записи.

– Худов, Петро, ты что ли?! – неожиданно окликнули его.

Поднял голову и радостно обомлел – напротив, широко улыбаясь, стояли Серега Башилов и Володька Махалин.

– Башила, Махалыч, мужики! Ну и дела! – кинулся к ним навстречу Худов. – Как вы тут? А Фима (Андрей Ефименко. авт.) где?

– Фима сейчас в наряде парится. А так, все нормально, летаем вовсю. Уже на «ишачков» (истребители И-16, авт.) пересели. В декабре выпускаться собираемся. А ты?

– Да также, как и вы. Летаю, только пока на «уточках» (самолетах УТ-2, авт.), – заскромничал Худов. – Еще полгода осталось. А чего это у вас все так быстро?

– Так ты, поди, по годичной программе учишься, – догадался Махалин. – А у нас в третьей эскадрилье – восьмимесячная, оттого и быстрее...

– Да ладно, – Башилов на полуслове перебил Махалина. – Ты-то, когда сюда попал? Может, знаешь, чего нового в Дмитрове, у нас в Яхроме?

– Да приехал сразу за вами, через неделю. Просто пересечься никак не удавалось. А Дмитров... Стоит он на месте, куда ему деться, вот только аэроклуба, уже нет. Мне брат Витька письмо прислал, отписал, что аэроклуб еще в июле в Раменское перевели. Туда уже и машины перегнали...

– Ну и дела! А куда же инструкторов, Моложаева куда?

– Да по-разному. Кого на новое место отправили, кто-то сам ушел. А Моложаев, он вроде как теперь в военкомате служит.

– Ну и дела! Ладно, Петька, давай, мы уж пойдем. Увидимся еще.

Да... Вот уж не думал, вот не чаял, что так случится. Жить определенно становилось веселей.

* * *

В октябре 40-го, закончив программу на УТ-2, летная группа Петра Худова начала готовиться к полетам уже на реальном истребителе – И-16 конструкции Н. Н. Поликарпова. Этот самолет, которому дал путевку в жизнь сам Валерий Чкалов, был самым известным в довоенной истории советской авиации. Это первый в мире массовый истребитель с убирающимся шасси.

И-16, или «ишак», «ишачок», как его называли, был очень маневренным и легко управляемым. Однако, имея очень небольшой запас устойчивости, был очень чувствителен к малейшему движению ручкой управления, отчего славился у летчиков очень «строгим» в пилотировании. Он легко срывался в штопор, но при этом также очень легко выходил из него.

Взлет и посадка на И-16 требовали от летчика не только очень точного пилотирования, но и недюжинной координации. Ведь, чтобы выпустить или убрать шасси, надо было, удерживая машину, накрутить рукояткой управления шасси ровно сорок три

Курсанты Качинской Краснознаменной военной авиационной школы пилотов (сверху вниз) Сергей Башилов, Андрей Ефименко, Владимир Махалин

Истребитель И-16

оборота. На посадочном пробеге самолет требовал точного соблюдения скорости и прямолинейности движения, иначе он мог развернуться в обратную сторону или перевернуться. Поговаривали даже, что инструктор, чья группа не допустит в реальных полетах ни одного разворота, будет награжден часами. Не зря все-таки бывалые летчики той поры говорили, что, если освоишь И-16, сможешь летать на чем угодно.

В декабре дмитровские друзья Худова – Махалин, Башилов и Ефименко – закончили учебу. Под самый Новый год им присвоили звания младших лейтенантов. После чего убыли в положенный после окончания летной школы отпуск.

С нескрываемой завистью и восхищением глядя на них, Худов сам представлял, как он через три месяца так же, в темно-синей шинели, в новенькой португее и сверкающих хромовых сапогах, появится в Яхроме. Как будет счастлива мать, как будут гордиться им братья. Но... 22 декабря 1940 года вышел приказ наркома обороны СССР маршала С.К. Тимошенко № 0362 «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом ВВС Красной Армии». В соответствии с этим приказом всем выпускникам летных училищ и школ присваивалось звание «сержант» вместо звания «лейтенант» или «младший лейтенант». Причем, с лишением такого важного атрибута, как синяя командирская форма. Так что Махалин, Башилов и Ефименко были одними из последних в Качинской Краснознаменной военной авиационной школе пилотов, кому посчастливилось заполучить лейтенантские «кубари».

В начале февраля из отпуска вернулся Махалин. Вернулся, чтобы остаться. Согласно приказу Главкома ВВС Красной Армии его назначили инструктором-пилотом Качинской военной авиационной школы. Тем же приказом получили свои назначения в истребительные полки и аэроклубовские однокашники Худова: Ефименко – под Смоленск, а Башилов – в 16-й истребительный полк, стоявший в подмосковных Люберцах.

Тогда никто из них не мог знать, что больше им встретиться уже не суждено. Сережка Башилов с первых дней войны будет защищать небо Москвы, сначала на И-16, затем – на МиГ-3. В июле 42-го года его 233-й истребительный авиаполк перебросят на Брянский фронт, под Ливны. 22 июля 1942 года младший лейтенант Сергей Егорович Башилов не вернется с боевого задания. Андрей Ефименко примет свой первый бой в августе 41-го над запорожскими степями. Потом будут схватки в небе над Донбассом, Харьковом, Сталинградом, в которых он собьет 8 вражеских самолетов. Будет дважды ранен, награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I-й степени. 8 мая 1943 года гвардии старший лейтенант Андрей Ефремович Ефименко пропадет без вести под Курском, не вернувшись с боевого задания.

* * *

В марте пришло время выпуска. По причинам, изложенным выше, глубокого удовлетворения от этого события Худов не испытал. Получив в петлицы печально ожидаемые сержантские треугольники, 17 марта 1941 года он был назначен инструктором-пилотом в той же 2-й эскадрилье. Известие о том, что вместо отправки в войска его оставляют в училище, повергло Худова в ярость.

Масла в огонь подлило еще и письмо от брата Василия, полученное накануне. В нем Василий сообщал, что младший брат Виктор окончил курсы при своей парашютной части и стал командиром-десантником. А еще ему присвоили звание младшего лейтенанта. Это уже было слишком...

И без того тягостное настроение ухудшалось еще и вынужденное безделье. В эту пору летали мало: с моря периодически налетали шквалистые ветра или натягивало низкую свинцово-серую облачность, дожди заряжали на день-два к ряду. По раскисшей взлетной полосе даже пешком не походишь.

Ежевечернюю скуку и тоску перед отбоем можно было разогнать лишь нечастыми визитами в 3-ю эскадрилью к Володе Махалину.

С началом апреля, наконец-то, пришла настоящая весна. Нудная, промозглая дождливая серость в одночасье сменилась нежно-бирюзовой зеленью холмов, покрытых от их подножий до самого горизонта разноцветьем распустившихся маков и тюльпанов, розоватой белизной цветущих в садах яблонь и абрикосов. Море заиграло нежной синовой в тон сверкающей лазури безоблачного неба.

Худов, окончательно избавившись от послевыпускной хандры, теперь все больше пропадал в летних лагерях в районе аэродромных площадок: то недалеко от деревни Альма-Тамак, то в Мамашае. Получил группу, познакомился с курсантами, начал с ними летать.

Работы было много и на земле, и в воздухе. В бесконечных вывозных полетах с курсантами время летело совершенно незаметно: за каждую летную смену приходилось выполнять по 25 – 30 взлетов и посадок.

Периодически, раз в две недели, контрольные полеты устраивались и для пилотов-инструкторов. Проводил их или начальник училища генерал Туржанский, или его помощник по летной части майор Сидоров. Проверялась не только техника пилотирования, но и навыки ведения воздушного боя и стрельбы.

В эти дни Худов позволил себе несколько раз похулиганить в воздухе. Причем сделал это на пару со своим бывшим инструктором Николаем Сивцовым.

Договорились очень просто. Рано утром поднялись в воздух, после чего разошлись в разные стороны. Затем, на высоте 3000 – 4000 метров сошлись в лобовую и начали свободный воздушный бой одиночных истребителей.

Уступать никто не хотел. «Ишаков» своих абсолютно не жалели и вводили их в такие перегрузки, что трещали привязные ремни и, казалось, либо сердце остановится от очередного пике, либо на очередном вираже машина просто развалится на куски. Несколько раз чуть не столкнулись. Когда немного остыли, решили разойтись...

Сивцов первым ушел на аэродром, а Худов, покрутившись немного в воздухе, пошел следом, чтобы в утвержденное планом полетов время приступить к вывозке своих курсантов.

В Качу 2-я эскадрилья вернулась лишь в начале июня. А 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Уже 28 июня объявили приказ об эвакуации Качинской летной школы. Эвакуироваться пришлось в Красный Кут, рабочий поселок неподалеку от Саратова. На новом месте разместились в нескольких деревянных корпусах и саманных постройках. Тесно, душно и темно. В спальнях помещениях – плотно расставленные двухъярусные деревянные кровати, почти как арестантские нары в лагерьном бараке. Одновременно с обустройством приступили к учебным занятиям, и уже через пару-тройку недель Качинская Краснознаменная военная авиационная школа пилотов функционировала в штатном режиме.

Вскоре от матери пришло письмо, из которого Петр узнал, что старшего брата Василия еще в июле призвали в армию, а младший – Виктор – уже давно воюет неизвестно где. Все выяснится через много лет после окончания войны.

Слева направо: 1. Лейтенант Виктор Худов со своими сослуживцами, фото 1942 г.
2. Виктор Дмитриевич Худов. Снимок сделан 21 мая 1943 года и прислан в письме Петру Худову.

Василий Дмитриевич Худов после призыва попал в 1101-й стрелковый полк 326-й стрелковой дивизии. В свой первый бой она вступила 5 декабря 1941 года под селом Селиновское Михайловского района Рязанской области.

Вплоть до октября 42-го 326 стрелковая дивизия вела кровопролитные бои на реке Жиздра, под Плавском и Сухиничами, затем была переброслена подо Ржев. Там, находясь в составе 20-й армии до января 1943 года, неся огромные потери, безуспешно пыталась наступать в районе реки Вазуза. В августе – октябре 1943-го 326-я стрелковая уже вела наступление по Смоленщине и, пройдя с боями около 150 километров, форсировав три реки, 25 сентября освободила Рославль. Однако всего этого Василий Худов узнать не успел – накануне, 24 сентября, он, обороняя в составе взвода автоматчиков штаб дивизии от внезапной атаки гитлеровцев, был убит. Похоронили Василия Дмитриевича Худова в братской могиле в километре юго-западнее деревни Бозатино Рославльского района Смоленской области.

Не менее драматичной была судьба Виктора Худова.

В марте 1941 года он окончил курсы командиров парашютно-десантных подразделений и, получив звание младшего лейтенанта, некоторое время служил инструктором в той же части, в которой начинал свою службу в октябре 40-го, в Дядьково.

В начале войны младший лейтенант Виктор Худов попал в распоряжение Оперативно-учебного центра Западного фронта, сформированного легендарным полковником Ильей Стариновым, диверсантом № 1 Советского Союза, отцом-основателем советского и российского спецназа. В 1942 году гвардии лейтенант Виктор Худов оказался в составе Центральной спецшколы № 2 при Центральном штабе партизанского движения, которая в декабре 1942 года преобразована в Центральную школу партизанских кадров. Обучение в ней осуществлялось по 500-часовой программе. Подготовка проходила в обстановке, максимально приближенной к боевой. Поэтому ее инструкторы после обучения слушателей постоянно забрасывались с ними за линию фронта. И таких забросок на счету Виктора Худова был не один десяток.

В сентябре 1943 года Дуглас С-47, на борту которого лейтенант Худов вместе со своей диверсионной группой направлялся в тыл врага в районе Ленинграда, был обнаружен и обстрелян немецкими зенитками. Самолет загорелся и взорвался в воздухе. Никому из экипажа и десантников спастись не удалось.

Таким образом из трех братьев Худовых в сентябре 43-го в живых остался только Петр, именно в том самом сентябре 43-го, когда он стал Героем Советского Союза...

* * *

Первое, что сделал старший сержант Худов после того, как окончательно обосновались в Красном Куте, — подал рапорт командиру эскадрильи с просьбой отправить его в действующую армию. И получил очень жесткий отказ. Однако попыток вырваться на фронт Петр не оставлял, писал рапорты, и все без результата. Так продолжалось больше года, пока в августе 42-го Худову не представился случай попасть в войска.

Тогда в училище прилетел Василий Сталин, сын тогдашнего руководителя СССР Иосифа Сталина. Прилетел он отбирать летчиков в 434 истребительный авиаполк для ведения боевых действий под Сталинградом.

Выждав момент, когда Василий Сталин оказался один, без начальства, Худов решил, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, подошел к нему с просьбой помочь ему отправиться на фронт. Василий обещал посодействовать и свое слово сдержал: уже через три дня Петр Худов получил предписание убыть в действующую армию на Сталинградский фронт в 867 истребительный авиационный полк. На момент прибытия Худова полком командовал майор Василий Иванович Козлов.

Приняв новые самолеты Як-1, 867-й авиаполк уже 28 августа 42-го года перелетел на аэродром Малая Грибановка в Воронежской области.

Полк вошел в состав 220-й истребительной авиационной дивизии 8-й воздушной армии Сталинградского фронта.

14 декабря 1942 года 867-й истребительный авиационный полк, базировавшийся на аэродроме в районе города Калач Воронежской области, был передан в состав 207-й истребительной авиационной дивизии.

А 16 декабря 1942 года командир звена 867-го истребительного полка старшина Худов вступил в свой первый бой.

На задание вылетел в паре со своим ведомым Александром Парфеновым. Задача – прикрыть шестерку наших штурмовиков Ил-2, которая наносила удар по позициям гитлеровцев у села Гадюжье на правом берегу Дона. Штурмовики шли на полутораклометровой высоте, Худов с Парфеновым – метрах в трехстах над ними. Сразу же за Осетровкой Илы резко снизились до 500 метров.

Перемахнув через Дон, Илы сходу проутюжили линию вражеских траншей, протянувшуюся в двухстах метрах от берега реки. Развернулись для следующего захода. В это время с земли к штурмовикам потянулись красно-оранжевые трассы: заработали немецкие зенитки.

Бросив свой Як почти в отвесное пике, Петр метров с четырехсот прошелся из всех стволов по вражеским зениткам. Затем пошел на второй заход. Но он не понадобился – батарея замолчала.

15 января 1943 года звено старшины Худова, обеспечивая налет нашей авиации на аэродром Старобельск, патрулировало в районе Кантемировка – Ново Марковка. Ведомым у Петра был Иван Кузнецов. Во второй паре – старший сержант Константин Поздняков с ведомым Федором Червоткиным.

Густые облака висели на высоте 1500 – 2000 метров. Шли под ними.

Неожиданно на четверку Яков вывалилось сразу четырнадцать Ме-109. Несмотря на подавляющее численное превосходство врага, наши летчики приняли бой. Закрутилась огненная карусель, то скрываясь в облаках, то опускаясь до самой земли.

Отчаянно маневрируя, Яки ушли из-под первого удара и немедленно сами устремились в атаку.

Василий Сталин, фото нач. 1943 г.

Бой советского истребителя с немецко-фашистским бомбардировщиком

Уйдя в облака от атаковавшей его пары «мессеров», Худов заложил крутой вираж и через несколько секунд, выскочив из облака, зашел противнику в хвост. Поймал «худого» в прицел и метров с четырехсот выпустил в него длинную очередь. Вражеская машина задымила и, покрутившись в штопоре, врезалась в землю.

Второй «мессер» попытался уйти со снижением, но его точной очередью свалил неотлучный Ваня Кузнецов.

С набором высоты развернулись, осмотрелись. Внизу Худов увидел, как на пару Позднякова навалились сразу 4 «мессершмитта». Не раздумывая, Петр дал полный газ и стремительно спикировал навстречу ведущему пары противника. Несколько мгновений – и «мессер» в прицеле. Первой короткой очередью Худов ударил по мотору, второй – успел пройти по кабине. Вражеская машина в облаке из собственных обломков перевернулась через крыло и, беспорядочно кувыряясь, пошла к земле. Оставшиеся «мессеры» сразу же отвязались от Позднякова с Червоткиным.

Воспрянув духом, Поздняков со своим ведомым развернулись и атаковали оказавшуюся ниже пару «худых». Несколько секунд и горящие «мессершмитты» также парой рухнули на землю.

Потеряв в течение нескольких минут сразу пять машин, гитлеровцы поспешили ретироваться. А старшина Худов открыл свой боевой счет сразу двумя сбитыми вражескими самолетами.

29 января 1943 года началась Ворошиловградская наступательная операция войск Юго-Западного фронта, имевшая цель окружить и разгромить основные силы немецкой 1-ой танковой армии.

К началу февраля 43-го за плечами Петра Худова было уже свыше сорока боевых вылетов и около двух десятков боев.

В эти дни 867-й иап действовал с аэродрома Старобельск, прикрывая наступающие войска в районе Барвенково, Славянска и Краматорска.

7 февраля Худов со своим звеном вылетел на прикрытие наших войск от ударов вражеской авиации.

Уже за линией фронта, в окрестностях Дружковки, обнаружили шестерку бомбардировщиков «Хейнкель-111», шедшую под прикрытием пары Ме-109 в направлении Краматорска. Быстро набрав высоту, пошли в атаку.

Пара Позднякова сцепилась с «мессерами» и, связав их боем, отсекала от «хейнкелей». А Худов с Кузнецовым в лобовую прошли огнем по бомбардировщикам, заставляя их, ломая строй, разбежаться в разные стороны. На втором заходе Петр не стал набирать высоту для последующей атаки. Нырнув под хвост шедшему впереди «хейнкелю», вспорол ему брюхо пушечной очередью. Снаряды, видимо, попали фашисту либо в бензобаки, либо в боеукладку – в следующее мгновение на его месте вспух оранжево-черный шар, и Худов едва успел увернуться от обломков взорвавшегося бомбардировщика.

Оставшись без прикрытия истребителей и потеряв своего ведущего, остальные бомбардировщики запаниковали. Беспорядочно отстреливаясь, избавлялись от бомб, высыпая их куда придется. И развернувшись на обратный курс, ринулись наутек.

«Мессеры», обескураженные таким поворотом дела, также поспешили выйти из боя.

Через две недели Петр пополнил свой боевой счет еще двумя вражескими самолетами. Причем, в одном вылете.

23 февраля 1943 года ему вручили первый его орден – орден Красной Звезды. Кроме того, он, наконец-то, стал офицером – согласно приказу командующего 17 Воздушной армии старшине Петру Дмитриевичу Худову было присвоено звание младший лейтенант и вручены новенькие офицерские погоны.

28 февраля Худов в паре с лейтенантом Леонидом Соколовым вылетел на штурмовку вражеских позиций в районе Краматорска. Успешно отработав по наземному противнику, легли на обратный курс. В десяти километрах севернее Славянска, в районе села Маяки, обнаружили группу из 30 вражеских пикировщиков Ю-87 «Штука», направлявшихся на бомбежку позиций наших войск. Шли плотным строем на высоте около 5000 метров. Еще немного и они, выстроившись в круг, начнут с крутого пикирования обрушивать свой смертоносный груз на головы наших бойцов.

Не раздумывая, Худов и Соколов с двух сторон бросились в атаку на «лаптежников». Поливая их огнем, в два захода прошли сквозь вражеский строй, не давая фашистским пилотам лечь на боевой курс и точно прицелиться.

Еще один заход – и две пылающих «штуки» после метких очередей советских пилотов почти одновременно отправились в свое последнее пике.

Строй вражеских машин развалился и рассеялся на несколько километров. Понимая, что в бою с истребителями шансов никаких нет, «юнкерсы», беспорядочно маневрируя, бросились врассыпную и затем каждый сам по себе ринулись назад. Бомбардировка была сорвана, а Худов записал на свой счет шестой сбитый вражеский самолет.

* * *

Затем были затяжные воздушные бои в небе над Донбассом.

9 апреля 1943 года командир 867-го истребительного авиаполка майор В.И. Козлов представил младшего лейтенанта Петра Дмитриевича Худова к званию Героя Советского Союза. 12 апреля представление подписал и командир 207-й истребительной авиадивизии полковник А. П. Осадчий.

К этому времени за плечами Худова было уже 48 боевых вылетов, в которых он провел 42 воздушных боя и сбил 8 вражеских самолетов. На первый взгляд, статистика не самая выдающаяся. Если бы не одно но...

Если из списка боевых вылетов Худова исключить разведывательные полеты, когда летчикам категорически запрещалось вступать в схватку с вражескими самолетами, получается, что в каждом вылете Петру приходилось вести воздушный бой. Но дело в том, что более половины этих вылетов были выполнены Худовым на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков.

Обычно на шестерку «илов» давали в сопровождение пару, а на двенадцать самолетов – звено. Здесь, как нигде, была важна дисциплина. Штурмовики идут на высоте примерно 1000 – 1200 метров, истребители – в 400 – 600 метрах над ними. С этой высоты можно успеть разогнать самолет и отбить атаку. Немецкие истребители в основном атаковали снизу. Они могли либо подкрадываться к строю «илов», пытаясь слиться с фоном земли, либо, набрав высоту, пикировали сзади строя, с тем чтобы на скорости подойти и атаковать их сзади-снизу. Огонь обычно открывали с дистанции 100 – 200 метров. И в этом случае главным было не подпустить вражеские истребители к штурмовикам, успеть отбить атаку, в конце концов, просто дать заградительную очередь.

Ведомый Петра Худова Алексей Григорьевич Долгов,
фото 1945 г

Необязательно сбивать – фашист сам отвалит.

Так вот, во всех этих вылетах штурмовики, сопровождаемые Худовым, не потеряли от огня вражеских истребителей ни одной машины. И главное, уверенно и качественно выполняли свое предназначение – беспощадно громили наземного противника. Поэтому далеко не всегда количество сбитых самолетов является главным критерием боевого мастерства и эффективности летчика-истребителя.

Однако стать Героем Советского Союза в этот раз Худову было не суждено. Вмешалось начальство и ограничилось награждением Худова орденом Красное Знамя.

27 апреля 1943 года Петр был в первый раз ранен: в одном из боев, уже на выходе из-за атаки, вражеский зенитный снаряд прошел левый борт кабины его самолета, мелкими осколками посеколо левое предплечье и плечо. Выходить из боя Худов не стал. Наоборот,

убедившись, что машина нормально управляется, повел свое звено на новый заход и только после этого лег на обратный курс домой. То, что он ранен, обнаружил уже у себя на аэродроме. Уезжать в медсанбат Петр наотрез отказался, но на две недели о полетах пришлось забыть.

25 мая Петр, прикрывая позиции наших войск, сбил над селом Николаевка в районе Славянска еще один Хе-111.

Следующий бой Петра Худова подробно описан в представлении его к ордену Боевого Красного Знамени, подписанном новым командиром 867-го истребительного авиаполка майором Поляковым, который незадолго до описываемых событий сменил на этом посту майора Козлова: «31.5.43 вовремя выполнения Барвенковской операции Худов входил в группу непосредственного прикрытия (штурмовиков, прим. авт.)

Во время штурмовки аэродрома Илами Худов не только отбивал атаки вражеских истребителей, но и обстреливал на земле вражеские самолеты, не отрываясь от Ил-2, несмотря на сильный зенитный огонь.

После штурмовки на Ил-2 набросились вражеские истребители. Худов со свойственной ему смелостью отбивал атаки вражеских истребителей, не допускал их до штурмовиков, при этом лично сбил одного ФВ-190, который упал в р-не Ново-Дмитровка, т.е. в 5 – 7 км северо-восточнее Барвенково. Сбитие самолета подтверждает летчик Долгов, который сопровождал горящий ФВ-190 до тех пор, пока он не врезался в землю».

День седьмого июня того же 43-го года едва не стал для Петра Худова последним в его летной биографии.

Полевой аэродром 867-го истребительного авиаполка в окрестностях Купянска был внезапно атакован шестеркой фашистских бомбардировщиков. Худов по тревоге выскочил из землянки, в которой квартировали летчики его звена, и бросился к своей машине. Пробежав не более полусотни метров, услышал сверху нарастающий пронзительный свист. В следующее мгновение вздыбившийся в нескольких шагах разрыв авиабомбы с чудовищной силой швырнул Петра на землю и засыпал его толстым слоем дымящегося чернозема.

Худова нашли совершенно случайно. Если бы не торчавшая из кучи земли кисть его руки, наверняка бы он задохнулся в устроенной взрывом могиле. Не подававшего признаков жизни, его поначалу уложили рядом с трупами погибших сослуживцев. И лишь когда он начал судорожно кашлять, выплевывая набившуюся в рот в землю, быстро переложили на носилки и понесли к санитарной машине, которая через несколько минут уже везла Худова в дивизионный санбат.

Принявший Петра хирург констатировал у него тяжелую контузию, а также вытащил небольшой осколок, который, на первый взгляд, неглубоко засел чуть правее левой лопатки. Почистив и перевязав рану, отправил Худова в палату. После двухнедельной лежки в санбате Петр наконец-то вернулся в свой полк.

* * *

27 июля 1943 года на счету младшего лейтенанта Петра Худова числились 71 боевой вылет, 59 воздушных боев, в которых он сбил 14 вражеских самолетов лично и 1 – в группе.

30 июля, командир 867-го истребительно-авиационного полка подписал очередной наградной лист с представлением командира звена младшего лейтенанта Петра Дмитриевича Худова к званию Героя Советского Союза. Однако могло стать так, что этой награды он мог и не получить.

21 августа Худов в сопровождении Александра Парфенова вылетел на разведку железной дороги Харьков – Полтава, а также железнодорожных станций Славянск, Лозовая, Сахновщина, Красноград, Карловка.

Откровенно говоря, Петр не любил летать на разведку. Потому что, во-первых, в таких вылетах было категорически запрещено вступать в бой с кем бы то ни было. Просто улепетьвай домой – и точка. Во-вторых, летать приходилось не на своей машине. Для выполнения разведывательных полетов в полку имелся разведывательный Як-1, на который полковые умельцы-техники установили за кабиной пилота аэрофотоаппарат АФА-И. Несколько перетяжеленный установкой фотооборудования Як был менее резвым, чем штатный истребитель Худова, на котором он летал почти год, прочувствовав его, что называется, на кончиках пальцев.

Взлетев, набрали высоту 5000 метров. Обогнув Изюм с юга, направились в сторону Краснопавловки. Обогнув с севера Кегичевку и Красноград, незамеченными вышли на Карловку.

Развернувшись, снизились до двух тысяч и прошли над станцией. Худов включил аэрофотоаппарат.

Карловка оказалась пустой – на путях стояла под разгрузкой или погрузкой всего лишь пара небольших железнодорожных составов. Наверное, поэтому немецкие зенитчики относительно вяло обстреляли наши Яки, не причинив им никакого вреда. Поднялись выше и, петляя галсами вдоль железной дороги, направились в сторону Краснограда. В небе было на удивление чисто – ни «мессеров», ни «фоккеров».

На подходе к Краснограду опять набрали пять тысяч метров. Зайти на железнодорожный узел решили, пикируя из облаков, с расчетом на то, что вражеские зенитки не успеют открыть огонь до того, как пара успеет облететь и сфотографировать станцию.

Но стоило только выскочить из облаков, как вокруг машин пугающе часто и близко стали вспухать облачка от разрывов зенитных снарядов. Судя по точности огня, этот участок был заранее хорошо пристрелян немецкими зенитчиками. А плотность огня свидетельствовала о том, что по Худову и Парфенову работали сразу несколько батарей «флакков» (37-мм автоматических зенитных пушек FlaK 36, авт.).

Непрерывно маневрируя, снизились до двух тысяч метров. Теперь надо было, включив фотоаппарат, пройти строго по прямой над железнодорожными путями, забитыми вагонами и платформами.

Завеса зенитного огня становилась еще плотней. От близких разрывов машину швыряло из стороны в сторону. Закончив съемку, Худов бросил свой Як в крутой вираж, стремясь выйти из-под обстрела.

Казалось, это уже удалось, когда сильнейший удар спереди потряс истребитель. Затем еще один такой же удар – теперь где-то сбоку. Мотор надрывно завыл. Через мгновение к этому вою добавился злобный стук и скрежет. Кабина наполнилась горячим паром вперемешку с прогорклым масляным дымом.

Откинув назад створку фонаря, Петр выглянул из кабины, пытаясь разглядеть, что же случилось с машиной. Спереди с боку в обшивке прямо под выхлопными патрубками зияла рваными краями внушительная пробоина, из которой, густая с каждой секундой, выбивался черно-сизый дым.

Сколько мог летчик тянул свою машину к линии фронта, но вскоре пришлось идти на вынужденную посадку. Як начал клевать носом, грозя вот-вот сорваться в пике. Петр,

сбросив обороты мотора, попробовал выровнять машину. Но она никак не реагировала на движения ставшей вдруг неестественно легкой и свободной ручки управления.

С трудом, но все же Як выровнялся. Так, постепенно снижаясь, протянули десятка три километров, пока, разразившись громким металлическим кашлем, не встал мотор.

Стрелка высотомера судорожно дергалась у отметки 700 метров. Выглянув из кабины, Петр стал выискивать внизу подходящую поляну, чтобы с ходу посадить израненную машину, ибо возможности развернуться на второй заход уже не было.

Внизу промелькнуло какое-то село, сразу за которым раскинулся достаточно обширный выгон. Лихорадочно вращая из стороны в сторону рукоятку триммера, Худов пошел на посадку.

Шасси выпускать нельзя – без руля высоты, как пить дать, кувыркнешься.

Несколько секунд – и машина, вздымая фонтаны грязи, плюхнулась на брюхо и обессиленно заскользила по мокрой от недавнего дождя траве.

Отстегнув привязные ремни и подвеску парашюта, Петр выскочил из кабины, огляделся. В километре – полтора сзади белели сельские хаты. Спереди в трехстах метрах зеленел густой лес. Именно к нему и бросился Худов. Уже на бегу обнаружил, что из села выскочил грузовик и, подпрыгивая на ухабах, помчался к лежащему на земле самолету. Похоже, гитлеровцы намеревались захватить спасшегося пилота в плен.

Выхватив из кобуры свой ТТ, Петр припустил изо всех сил к спасительным зарослям. В этот миг над головой с ревом мелькнула тень парфеновского Яка и, ожесточенно треща пулеметами, понеслась навстречу преследователям Худова.

Пока Петр бежал, Парфенов успел развернуться и еще раз пройтись по гитлеровцам. На этот раз не только из пулеметов, но и из пушки. Уже у самой кромки леса Худов услышал, как за спиной что-то глухо бухнуло. Оглянувшись мельком, он успел заметить, что на месте, где лежал его смертельно раненый истребитель, взметнулся вверх рыжий сноп пламени и в небо потянулись густые черные клубы дыма: это Сашка Парфенов позаботился о том, чтобы Як не достался фрицам.

Спотыкаясь о корни и сучья, едва успевая прикрывать лицо от хлещущих ветвей, Петр рванул напролом по лесу.

Бежал несколько часов, изредка останавливаясь, чтобы проверить направление, оглядеться и прислушаться. Главное – чтобы не пустили по следу собак, тогда не оторваться.

Вскоре наткнулся на глубокую балку, по дну которой тек небольшой ручей. Черпая ладонями воду, напился и несколько километров шел по воде вверх по течению, чтобы сбить со следа возможную погоню. Затем опять повернул на восток, и так до самой темноты. Заночевал под большой корягой, предусмотрительно прикрывшись еловыми лапами. Спать удалось лишь урывками, просыпаясь от каждого малейшего шума и постоянного озноба: августовские ночи были уже холодными. А в промокшей

Советский истребитель Як-9, совершивший вынужденную посадку «на брюхо».

гимнастерке согреться было невозможно. Огонь развести он, естественно, не мог. И не смог бы, даже если захотел. Никогда не куривший Худов спичек при себе не имел.

В изнурительных и тревожных скитаниях прошло еще два дня. Ужасно донимал голод – есть приходилось только то, что попадалось под ногами в лесу: ягоды, грибы-сыроежки, корни борщевика.

Под конец третьего дня своей одиссеи Худов вышел к окраине небольшого села. Укрывшись в кустах у криницы неподалеку от околицы, стал наблюдать, пытаясь понять, есть ли немцы в селе или нет.

Через час с небольшим дверь самой ближней хаты отворилась. Из нее вышла женщина, на вид лет сорока, с ведром в руке и направилась напрямик к кринице. Подошла, зачерпнув воды, собралась было обратно. Тогда Петр решился окликнуть ее.

Выяснилось, что хозяйку зовут Анна Назаровна. До войны работала с мужем в местном колхозе. В июле 41-го мужа призвали в армию. С тех пор где он и что с ним неизвестно. В октябре пришли немцы. Так почти два года вместе с дочерью и живут в оккупации.

Худова накормили, заодно дали переодеться в старенькие пиджак, брюки и рубаху. Брюки, правда, на отощавшем после лесных скитаний Худове держались еле-еле, пришлось вместо ремня воспользоваться заготовленной хозяйкой бечевкой.

Утром, едва начало светать, Худов, получив от хозяйки небольшой сверток с продуктами, бесшумной тенью выскользнул из дома.

Шел, как и советовала Анна Назаровна – бегом от перелеска к перелеску, забываясь в кусты при малейшем шуме. Ближе к вечеру с востока все явственнее стали доноситься раскаты артиллерийской канонады. Идти, судя по всему, оставалось уже немного. Во всяком случае, уже на следующее утро, двигаясь, как и прежде, на восток, Петр стал отмечать про себя, что отзвуки артиллерийских залпов и ружейной стрельбы доносятся теперь то слева, то справа, то сзади. Неужели уже удалось пересечь линию фронта?

Прошло еще насколько часов в осторожных перебежках от дерева к дереву, от куста к кусту. Вдруг неподалеку послышался хруст валежника под чьими-то ногами и приглушенный разговор. Напряженно вслушиваясь в это шум, Худов отчетливо различил звуки русской речи. Через минуту на небольшой полянке он обнаружил группу из пяти человек в плащ-палатках и касках. У двоих в руках – автоматы ППШ, у остальных – винтовки. Точно, наша пехота!

– Ребята, не стреляйте, – выйдя из-за дерева окликнул пехотинцев Худов, – Я свой!

Мгновенно вскинув оружие, бойцы обернулись в его сторону.

– Стой! Руки вверх! – выкрикнул один из них. – Руки в гору и медленно иди сюда.

Подняв руки, Петр приблизился к ним.

– Обыскать его, – приказал боец с орденом Красной Звезды и этажеркой нашивок за ранения на гимнастерке, видимо, старший. – Сейчас посмотрим, какой ты наш.

Другой пехотинец, по виду совсем мальчишка, ощупал Худова.

– О-о-о, товарищ сержант, да он еще и с довеском, – вынимая из карманов худовского пиджака нож и пистолет с запасной обоймой, протянул юнец. – Документов нет. Не иначе гнида власовская, только переодетая.

– Какой я тебе власовец, сопляк, – возмутился Петр, – Летчик я... – Не успел закончить он, как неожиданный удар прикладом по скуле свалил его на землю.

– Что же ты творишь, – сплевывая кровь с разбитых губ и чувствуя, как заплывает левый глаз, попытался подняться Худов.

Однако солдатик передернул затвор своего карабина и приставил ствол к груди летчика.

– Товарищ сержант, что мы с ним цацкаемся, – юнец обернулся к старшему. – Шлепнуть его и дело с концом.

– Послушай, сержант, – понимая, что с молодым разговаривать бесполезно, Петр обратился к старшему группы. – Я действительно советский летчик, Петр Худов меня зовут... – Застонав теперь от болезненного тычка стволом в солнечное сплетение, постарался говорить как можно спокойнее. – Меня сбили еще 21-го числа, я шестой день к своим пробирюсь. Веди меня к вашему начальству, там все ясно станет.

– Ладно, – рассудил сержант, – расстрелять мы тебя всегда успеем. Послушаем, что ты в штабе споешь, – и, обращаясь к юнцу и еще одному бойцу, приказал, – Горпенко, Вакулин, ведите его.

Подталкиваемый в спину стволами винтовок, Худов двинулся по едва заметной тропинке в сторону расположения пехоты.

Через двадцать минут вышли к небольшой деревне. На окраине ее, рядом с кромкой леса стояло несколько палаток, полевая кухня. Неподалеку от них бугрились свеженасыпанной землей несколько блиндажей.

Петра подвели к одной из крытых камышом хат, у входа в которую стоял часовой с ППШ. По-видимому, здесь и располагался штаб.

Вошли внутрь. Навстречу из-за стола поднялся капитан, крупный и уже немолодой усатый дядька. Подойдя поближе, капитан оглядел Петра с головы до ног.

– Ну, говори, кто таков и откуда, – капитан отошел назад и уселся за столом. – Как у нас оказался?

– Я – младший лейтенант Худов, замкомэска 867-го истребительного полка, 17-я Воздушная армия, – Петр старался говорить как можно спокойнее и обстоятельнее. – 21 августа вылетел на разведку. В районе Краснограда был подбит зенитками, тянул к своим, но пришлось сесть на вынужденную неподалеку от Сахновщины. Оттуда пешком лесами пробирался...

– Ну-ну... – комбат, неотрывно глядя Худову в глаза, воспринимал, судя по всему, его рассказ без особого доверия. – Ладно, – встав из-за стола, подвел итог разговора капитан. – Посиди пока под замком, а я доложу куда положено. И молись Богу, чтобы все подтвердилось, как ты рассказал. Горпенко, увести!

Через несколько минут Худов уже сидел в каком-то сарае, под охраной того самого пацана, который так неласково обошелся с ним при встрече. Уселся, привалившись спиной к глинобитной стене. О плохом думать не хотелось, но тревожные мысли упрямо лезли в голову. Еще несколько минут и почти смертельная усталость от всего пережитого, перенесенного за последние дни навалилась так, что Петр, завалившись на пол, мгновенно уснул.

Ближе к вечеру его разбудил нарастающий сверху, похожий на стрекот швейной машинки звук самолетного мотора.

– По-2, – безошибочно определил Петр тип, судя по всему, заходящего на посадку самолета. – Неужели за мной?

Через несколько минут у сарая послышался какой-то шум, лязгнул отпираемый замок, дверь отворилась. Щурясь с темноты от яркого света, Худов в сопровождении своего охранника направился к штабу.

Войдя в хату, чуть было не рухнул в обморок, на сей раз, от радости: за столом рядом с уже знакомым ему пехотным комбатом сидел его командир полка Семен Леонтьевич Индык.

– Худов, черт полосатый, – тиская Петра в объятиях, твердил командир, – Ну дал же ты нам нервотрепки. Уже и не чаяли живым тебя увидеть!

– Слушай, а кто это тебя так приголубил, – спросил он в следующую секунду, разглядывая «фонарь» у Петра под глазом.

– Да вот его ребятки прикладом приветили, – Худов кивнул в сторону комбата. – Еще и расстрелять собирались...

– Капитан, это уже совсем непорядок, – Индык нарочито сурово сверкнул глазами на комбата. – Худову 18-го числа командующий фронтом представление на Героя подпisał, а вы его прикладом по мусалам. Да еще и грохнуть собирались. Непорядок...

– Так на нем же не написано, что он – Герой, – не ощутив подначки, начал оправдываться капитан. – Без документов, одет не пойми во что. Что тут думать? К тому же, майор, знаешь, сколько у нас по тылам бывших власовцев шастает? Хутора грабят, в спины бойцам нашим стреляют... У нас в полку только за последние два дня четверых положили, сволочи. Вот ребята мои и злые такие.

– Ладно, мужики, проехали, – как можно более миролюбиво подвел черту под перепалкой Индык. – Зла никто ни на кого не держит. А Худова я, капитан, забираю с собой. И оружие ему верни.

– Постой, постой, майор, – запротестовал комбат. – Я о нем уже в особый отдел дивизии доложил. Как же я тебе его отдам!

– А вот тебе, капитан, – командир открыл свою планшетку и достал оттуда сложенный вдвое листок. – Вот тебе предписание от особого отдела 17-й Воздушной армии.

Командир 867-го истребительного авиаполка Семен Леонтьевич Индык, фото 1947 г., аэродром Веспрем, Венгрия

А это, – Индык опять полез в планшетку и извлек булькающую фляжку, – это предписание от меня. Вечерком поднимешь чарочку за ВВС Красной Армии. Так что бывай.

По дороге к самолету Петр поинтересовался у командира, как это так быстро удалось его разыскать.

– Нашего особиста, капитана Арефьева, благодари, – на ходу рассказывал Семен Леонтьевич. – Парфенов когда рассказал, что ты сумел на вынужденную сесть и от фрицев смыться, мы так и решили, что обязательно выберешься. Вот Арефьев на день по пять раз и обзванивал по своим каналам почти весь Юго-Западный фронт, запрашивал фамилии всех задержанных и вышедших из-за линии фронта. И бумаги все успел подготовить, когда узнали, что ты нашлся. Вот я за два часа и успел обернуться. Да и командир этот пехотный тоже молодец, не стал тянуть, доложил быстро...

8 сентября было освобождено Сталино (ныне Донецк).

На следующий день на аэродроме под Краматорском, куда перебазировалась вся 11-я Гвардейская истребительная авиационная дивизия, состоялось торжественное построение личного состава. На построении был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 года, согласно которому летчикам дивизии майору Кузнецову Михаилу Васильевичу, младшему лейтенанту Попкову Виталию Ивановичу, старшему лейтенанту Сивцову Николаю Степановичу, лейтенанту Сытову Ивану Никитовичу, младшему лейтенанту Худову Петру Дмитриевичу, старшему лейтенанту Шардакову Игорю Александровичу присвоено звание Героя Советского Союза.

По этому случаю командир дивизии полковник Осадчий в большой палатке, разбитой прямо на аэродроме, устроил торжественный прием в честь новоиспеченных героев.

Был еще и концерт, на котором Худов впервые увидел выступление джаз-оркестра, организованного летчиками и техниками 5-го гвардейского полка под управлением Виталия Попкова. Именно этот коллектив послужит прообразом «поющей эскадрильи» из знаменитого фильма «В бой идут одни «старики»» Леонида Быкова.

А с Виталием Попковым, будущим дважды Героем Советского Союза, с которым Худов близко познакомился в этот день, его свяжет крепкая дружба на многие годы.

А 12 октября в Большом Кремлевском дворце Петр Худов получил медаль, Золотая Звезда, орден Ленина, большую и малую грамоты Героя Советского Союза.

Ближе к вечеру, трясаясь в переполненном вагоне пригородного поезда, он уже подъезжал к родной Яхrome.

Виталий Иванович Попков и Петр Дмитриевич Худов, фото 2005 г.

До поселка прошел от станции пешком. Несмотря на почти два прошедших года, следы ноябрьских и декабрьских боев 41-го были видны повсюду. На улицах практически не было освещения, многие дома до сих пор зияли пустыми глазницами разбитых, развороченных оконных проемов в исклеванных, иссеченных осколками и пулями стенах.

Не менее печальное зрелище являла собой и родная Починковская казарма. Мать свою Петр нашел с помощью соседей в какой-то каморке, в которой она ютилась на пару еще с одной женщиной, работницей ткацкой фабрики.

Уже поздним вечером Пелагея Артемьевна из продуктов, привезенных Петром, устроила небольшой праздничный ужин. Пригласили соседей. Сидя за столом, сколоченном из необструганных досок, при тусклом свете самодельной керосиновой лампы Худов слушал рассказ матери о том, сколько лиха пришлось хлебнуть, когда гремели бои в окрестностях Яхромы, когда ее захватили немцы. Повела Пелагея Артемьевна и о том, что многих из знакомых Петра уже нет в живых.

В августе 42-го года к Башиловым пришла похоронка на Сережку, его аэроклубовского друга и качинского однокашника.

Еще в июне 43-го в отпуск приезжал дружок его брата Виктора, Костя Кирьянов, получивший незадолго до этого звание Героя Советского Союза. А в начале сентября пришло извещение, что 27 августа он погиб в воздушном бою под Орлом. Да и от братьев уже второй месяц как нет никаких известий. От этого радость приезда в родительский дом сменялась горечью и безысходной тоской: сколько же еще предстоит утрат и потерь...

Спать легли далеко за полночь. Петр устроился на полу на принесенном соседями, как позже выяснилось, кишасцем клопами тюфяке, от чего спалось совсем беспокойно.

На следующий день о Худове знала вся Яхрома. И понеслось, и поехало: с утра до самого позднего вечера – бесконечные встречи, выступления на предприятиях в самой Яхrome, в окрестных колхозах и совхозах. Так, что Петру удавалось попасть домой лишь для того, чтобы чего-нибудь перехватить поесть и переночевать.

Но самая памятная встреча случилась у Петра незадолго до его отъезда обратно на фронт. Иван Николаевич Жуков попросил Худова специально выкроить полдня, чтобы провести в школе сразу несколько встреч с учениками разных классов. Естественно, отказать своему учителю Петр не мог.

В назначенное время он появился в школе.

Сначала была встреча с учениками младших классов. Перед такой аудиторией Петр выступал впервые. И поначалу его несколько смущало то, с каким восхищением собравшиеся в классе девчонки и мальчишки разглядывали его награды, с каким неподдельным интересом внимали каждому его слову.

Затем вместе с Николаем Ивановичем Жуковым отправились к семиклассникам.

После короткого рассказа Петра о его фронтовых делах пришло время ответного слова от учеников. К столу вышла высокая статная светловолосая дивчина. Пожелав Худову успехов и удачи в боевой службе, вручила ему подарок – кустик гортензии в глиняном горшочке. При этом так выразительно стрельнула своими голубыми глазами, что Петр, принимая дар, невольно покраснел от смущения.

– А кто эта девушка? – уже на выходе из класса поинтересовался Петр у директора школы.

Петр Худов и директор Яхромской средней школы Николай Иванович Жуков, г. Дмитров, октябрь 1943 г.

– Валя Кузнецова, наша первая отличница.

– Часом, не дочка ли она нашего бывшего предзавкома Александра Петровича Кузнецова?

– Она и есть.

Тогда Петр и помыслить не мог, что через два года эта девушка станет его женой и более шестидесяти лет будет его верным другом и спутником по жизни.

На следующий день у Петра закончился отпуск. Простившись с матерью, он ранним утром выехал в Москву. Вечером этого же дня с аэродрома на Ходыньском поле вылетел на фронт. В два перелета добрался до своей дивизии, воевавшей уже в составе 3-го Украинского фронта, в который 20 октября 1943 года был переименован Юго-Западный фронт. Новый 1944-й год Петр Худов встретил в Павлограде, в окрестностях которого базировалась 11-я гвардейская истребительная авиационная дивизия и его 107-й гвардейский авиаполк.

* * *

Потом были бои за освобождение правобережной Украины и Львовско-Сандомирская операция, началось освобождение Польши.

107-й гвардейский истребительный авиаполк в ходе Львовско-Сандомирской операции действовал на правом фланге 1-го Украинского фронта с аэродромов Луцк, а затем Томашув и Янув, уже на территории Польши. В небе над Саном и Вислой комэска Петр Худов (к этому времени уже гвардии капитан) выполнил около трех десятков боевых вылетов. Сопровождал штурмовики, вместе с ними 6 раз штурмовал вражеские позиции, колонны техники, уничтожив при этом 2 неприятельские автомашины на земле. В воздухе Худов отправил на землю 2 фашистских истребителя, пытавшихся прорваться к Илам: «мессера» и «фокке-вульфа». Как результат, за все время боев ни один из прикрываемых штурмовиков или бомбардировщиков не был потерян от ударов с воздуха.

Особенно тяжелым выдалось 14 июля. В тот день на сопровождение бомбардировщиков Худову со своей эскадрилей пришлось вылетать дважды. Первый вылет на бомбежку вражеских позиций в районе Радехова прошел вполне удачно.

Во втором вылете предстояло отработать по укреплениям гитлеровцев в окрестностях Горохова. Уже над целью, когда бомбардировщики приступили к своей работе, из-за облаков на восьмерку Яков и прикрываемую ими группу «пешек» набросились более трех десятков ФВ-190.

Однако сходу атаковать бомберов гитлеровцам не удалось. Своевременно обнаруженные, они были встречены плотным заградительным огнем, а наиболее нахрапистого «фокке-вульфа», попытавшегося прорваться к «пешкам», Худов поймал на вираже и тремя меткими очередями дымящим факелом отправил на землю.

В небе завертелась круговерть, быстро перешедшая в настоящую свалку. Бой длился около получаса. Однако, как ни старались «фоккеры» пробиться к «петляковым», сделать этого им не удалось. Тем временем «пешки», полностью выполнив свою задачу, благополучно вернулись домой.

Потеряв в бесплодных атаках восемь машин, гитлеровцы были вынуждены ретироваться. Правда, и Худов не досчитался в своей восьмерке двух Яков. Благо, линия фронта была поблизости, поэтому пилотам сбитых машин каким-то образом удалось спастись. Стоит сразу отметить, что до самого конца войны Петр Худов не потерял ни одного пилота своей 3-й эскадрильи.

Командир 3-й эскадрильи 107-го гвардейского иап гвардии капитан Петр Худов, Польша, аэродром Янув, 4.10.1944 г.

В начале сентября 44-го после окончания Львовско-Сандомирской операции 1-й гвардейский смешанный авиационный корпус, в состав которого входила 11-я гвардейская истребительная авиадивизия, расположился на польских аэродромах в междуречье Вислы и Сана и севернее его.

Вплоть до середины января 1945 года дивизия прикрывала наши войска и переправы в районе Сандомирского плацдарма от ударов авиации противника. Кроме этого, летчики вели интенсивную борьбу с воздушными разведчиками и тяжелой артиллерией врага, обстреливавшей наши аэродромы и коммуникации.

На подобные боевые задания чаще всего вылетали летчики 5-го гвардейского авиаполка, чем вызывали неудовольствие и зависть у летчиков 106-го и 107-го гвардейских полков. Так что Худову в это время вылетать на боевые задания выпадало нечасто. В основном он занимался со своей эскадрилей дальнейшим совершенствованием боевых навыков, слаживанием пар, звеньев и эскадрильи в целом.

К этому времени для летчиков эскадрильи Петр был уже непререкаемым авторитетом. Снискал он его не только благодаря своему опыту, профессиональным навыкам и звезде Героя Советского Союза, но и высочайшей требовательности к подчиненным в сочетании с простотой и открытостью в общении с ними.

Зимой и весной 45-го Петру Худову довелось поучаствовать в сражениях Висло-Одерской и Нижне-Силезской наступательных операций.

С начала января и до конца марта 1945 года гвардии капитан Петр Худов выполнил 35 боевых вылетов, из них 31 – на сопровождение штурмовиков и по два – на разведку и свободную охоту. И как всегда сопровождаемые им и его подчиненными Илы потерь от ударов истребительной авиации противника не имели.

С начала апреля войска сразу же нескольких фронтов начали подготовку к последнему сражению Великой Отечественной войны – Берлинской наступательной операции.

Прикрытие наших танковых армий осуществлялось непрерывным патрулированием групп истребителей в воздухе и вылетами на перехват самолетов противника из положения дежурства на аэродромах по данным радиолокационных станций. Только 6-й гвардейский истребительный авиационный корпус, прикрывая 4-ю гвардейскую танковую армию, за 17 и 18 апреля провел 50 воздушных боев и сбил 56 самолетов противника.

18 апреля две четверки Яков 107 гвардейского иап во главе с гвардии капитаном Худовым и гвардии старшим лейтенантом Кузнецовым во время сопровождения Ил-2 в районе Шорбус столкнулись с двумя десятками истребителей противника. В результате воздушного боя старший лейтенант Кузнецов и лейтенант Трофимов сбили по одному самолету противника. Штурмовики без потерь выполнили поставленную задачу.

В 12 часов 25 апреля западнее Берлина соединились части 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, а через полтора часа наши войска встретились на Эльбе с американскими частями.

С 25 апреля по 2 мая войска 1 Украинского фронта бились уже на территории Берлина.

30 апреля две четверки истребителей Як-9у капитана Худова и старшего лейтенанта Кузнецова вылетели на штурмовку вражеских войск в районе Ерешке. После выполнения первого захода наши летчики получили по радио сообщение о том, что в их районе находится немецкий реактивный истребитель Me-262.

Приняли решение разделиться. Одна четверка во главе с Худовым осталось внизу, выманивая врага на себя. Другая четверка набрала высоту 4000 метров с тем, чтобы с пикирования попытаться догнать и атаковать фашиста.

Хищный силуэт 262-го на фоне облаков успели заметить вовремя. Принялись маневрировать, пытаясь предугадать направление атаки реактивного фрица.

Немаловажным было и то, что двадцатилетний Худов для подавляющего большинства своих подопечных, коим к этому времени едва минуло двадцать лет, казался если не дядькой, то, как минимум, старшим братом, которому перечить никак не пристало.

Немецкий реактивный истребитель Me-262

Вот он, набирая скорость, перешел в пике. Но разогнаться для атаки так и не успел – в этот момент, успев набрать максимальную скорость, незамеченными из облаков выскочили пары Кузнецова и лейтенанта Трофимова. Сумев приблизиться к «мессершмитту», поочередно обстреливали его длинными пушечно-пулеметными очередями.

Подбитый фриц попытался уйти, но потеряв скорость, попал под второй заход Кузнецова и его ведомого. После чего, вспыхнув ярким факелом, рухнул на землю. Это был первый реактивный самолет противника, сбитый советскими летчиками.

Утром 2 мая четверка истребителей Як-9У 107-го гвардейского истребительного авиаполка под командованием Петра Худова прикрывала штурмовики 6-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии. В районе Тиргартена их попытались атаковать шесть «фокке-вульф-190».

Попытка оказалась плачевной. Штурмовики при этом не пострадали, а три «фоккера» отправились на землю. Сколько из них было сбито лично Худовым – один или все три – точно неизвестно. Документально подтвержден один сбитый Петром истребитель.

8 мая с аэродрома Коттбус на штурмовку вражеских войск под Дрезденом гвардии капитан Худов совершил два своих заключительных боевых вылета в этой войне.

А 12 мая по итогам боев зимы и весны 1945 года, а также за проявленные при этом героизм и боевое мастерство командир 3-й эскадрильи 107-го гвардейского истребительного авиационного полка Петр Худов был представлен к третьему ордену Красного Знамени.

24 мая 1945 года в штаб 1-го Украинского фронта поступила директива за подписью начальника Генерального штаба генерала армии А.И. Антонова выделить от фронта сводный полк для участия в параде в городе Москве в честь Победы над Германией.

Среди летчиков 11-й гвардейской истребительной авиадивизии, отобранных для участия в Параде Победы, оказался и Петр Худов. Помимо этой радостной новости настроения добавил врученный ему 31 мая третий орден Красного Знамени.

Числа 7 – 8 июня около 200 летчиков 2-й Воздушной армии, будущих участников исторического парада, с нескольких аэродромов отправили на военно-транспортных самолетах в Москву.

Герой Советского Союза
гвардии капитан Петр Худов,
Москва, июнь 1945 г.

12 июня Худову вручили новенькую медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», учрежденную 9 мая 1945 года, которой первыми в Вооруженных Силах были награждены фронтовики – участники Парада Победы. Тогда же ему выдали комплект парадной формы.

Наконец, наступил день Парада. Утро 24 июня 1945 года выдалось пасмурным и дождливым. Буквально через полчаса войска, выстроенные к 8 часам на Красной площади, промокли до нитки от промозглого дождя.

Командующий парадом К.К. Рокоссовский на вороном коне под пунцовым чепраком занял место для движения навстречу принимающему парад Г.К. Жукову. Ровно в 10 часов Г.К. Жуков на белом коне выехал на Красную площадь.

В 10 часов 5 минут начался объезд войск. Г.К. Жуков поочередно здоровался с воинами сводных полков и поздравлял участников Парада с победой над Германией.

Объехав войска, маршал поднялся на трибуну. По поручению советского правительства Георгий Константинович поздравил советский народ и его доблестные Вооруженные Силы с победой. После этого торжественно прозвучал Гимн Советского Союза в исполнении 1400 военных музыкантов, раздались 50 залпов артиллерийского салюта.

Торжественный марш победителей открыл командующий парадом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Вслед за ним шла группа юных барабанщиков-воспитанников 2-й Московской военно-музыкальной школы, за ними следовал сводный полк Карельского фронта, а затем сводные полки фронтов в том порядке, в каком располагались они во время войны, с севера на юг – от Баренцева моря до Черного. Сводный полк 1-го Украинского фронта проследовал во главе со своим командующим маршалом И.С. Коневым. Каждый сводный полк проходил под свой боевой марш почти без пауз.

Парад длился 2 часа под проливным дождем, но тысячи людей на Красной площади не обращали на него внимания. В параде приняли участие 24 маршала, 249 генералов, 2536 других офицеров, 31 116 сержантов и солдат.

Вечером, еще не успев толком обсохнуть, Петр в компании Попкова и других сослуживцев отправился в Большой театр. Этим вечером давали «Евгения Онегина». Из всей компании спектакль смогли посмотреть лишь единицы – с первыми нотами оперной увертюры доблестные соколы Сталина попросту уснули.

Петр Худов (седьмой справа) среди летчиков-участников Парада Победы на Красной площади,
пятый справа - Виталий Попков.

* * *

В ноябре 45-го 11-ю гвардейскую истребительную дивизию перебазировали в Венгрию на аэродром Веспрем-Юташ, располагавшийся в десяти километрах на северо-запад от озера Балатон. Здесь командир эскадрильи Петр Худов нес свою службу в течение последующих четырех лет. Для Худова такое изменение вида деятельности не стало новинкой. В принципе, он занимался теперь тем, чем и свое время в летной школе, только на более высоком уровне. А хорошие методические и инструкторские навыки, полученные в Каче и Красном Куте, оказались как нельзя кстати. В короткий срок его эскадрилья стала одной из лучших в дивизии.

Командиры эскадрилий 107-го гиап Петр Худов (справа)
и Леонид Соколов (слева), Веспрем, «Патронный городок», 1947 г.

А в январе 1946 года Петр Худов собрался в свой первый послевоенный отпуск, в отпуск, который изменит его жизнь раз и навсегда.

На первых порах отпускное времяпрепровождение Худова разнообразием не отличалось – отсыпался, отлеживался дома, изредка выходя в город. Вероятно, так бы продолжалось и дальше, пока в один из вечеров Петра не пригласил на танцы в фабричный клуб его приятель из бывших фронтовиков. При этом Василий (так звали приятеля) в качестве самого веского аргумента в пользу похода на танцы, пообещал познакомить его с самыми красивыми девушками в Яхrome. Таковыми оказались две его подружки – Вера Ветрова и Валя Кузнецова. Та самая Валя, отличница и комсомолка, вручавшая цветы Худову на встрече в Яхромской школе в октябре 43-го. Незадолго до описываемых событий ей исполнилось восемнадцать лет. К этому времени она, окончив девятилетку в Яхrome, училась в Дмитрове на учительских курсах.

После этого вечера Худов уже не мыслил себя без этой девушки. Искал любую возможность для встречи с ней: встречал после учебы на железнодорожной станции в Дмитрове, в надежде на встречу часами ожидал возле ее дома в Яхrome. В конце концов, как раз в старый Новый год сделал ей предложение.

Через два дня Петр вместе с матерью появился в доме у Кузнецовых. Известие о сватовстве Худова к Валентине для ее матери, Лукерьи Ивановны, и бабки, Федосии Логиновны, прозвучало как гром среди ясного зимнего неба. Споры нет, Петр Худов женихом был завидным, но у Кузнецовых нарекания вызывали сразу несколько обстоятельств: мол куда Валентине, малолетке несмышленной, со взрослым мужиком, да еще и по границам мотаться... В этот момент уже Вале пришлось проявить твердость и решительность – мы так решили, и по-иному не бывать. Тогда баба Федосия (кстати, тезка перемиловской бабки Петра) предъявила последнее, непреодолимое, на ее взгляд, условие – без венчания не отпустим. Действительно, представить себе, что советский офицер и коммунист Петр Худов согласится на такой чреватый серьезными последствиями шаг, было просто невозможно. Но не тут-то было...

– Да хоть завтра под венец, – без тени сомнений согласился Петр. И тем самым окончательно сразил несговорчивых сватов. Вопрос со свадьбой был решен.

За день до свадьбы, также впятером, наведались Перемилово в Вознесенскую церковь, чтобы договориться о венчании.

Сказать, что настоятель церкви священник отец Александр (Оранский) был ошарашен просьбой Героя Советского Союза, – не сказать ничего.

Вознесенский храм в селе Перемилово, фото нач. 1980-х гг

– Вы это, молодой человек, серьезно? – не веря ушам своим, несколько раз переспросил он Петра. – И представляете ли себе, что может за этим последовать для вас, если об этом станет известно?

– Отец Александр, вы меня пугаете что ли? – возразил Худов. – Или я похож на несерьезного человека?

– Да уж напугать вас вряд ли возможно, – отец Александр кивнул на золотую звезду и два ряда орденов на груди у Петра. – Ну, коли так решили, приходите после регистрации брака. Будет вам венчание.

В последующие дни все происходило так, как и было запланировано: 26 января в директорском доме отыграли шумную и многочисленную свадьбу, 27 числа – обвенчались, а еще через день Худов отправился из отпуска в Венгрию в свой полк.

В июле 46-го Валентине Худовой пришел, наконец-то, долгожданный вызов от мужа. Путешествие к нему вместо запланированных двух суток продлилось на три дня дольше: ровно на это время пришлось задержаться во Львове. Задержку объяснили тем, что в Карпатах якобы размыло сразу несколько мостов. Хотя, как выяснится через много лет, мосты эти были взорваны бандеровцами.

По Венгрии до Веспрема доехали уже без проблем и приключений.

Незаметно пролетела осень. Отпраздновали Новый 1947-й год.

22 марта 1947 года в связи с реформированием Вооруженных сил СССР 107-й гвардейский Одерский ордена Александра Невского истребительный авиационный полк был расформирован.

Большинство летчиков и техников полка были уволены из рядов Вооруженных Сил. В дивизии из состава полка удалось остаться только нескольким летчикам, получившим назначения в другие воинские части.

Петр Худов вместе с двумя другими Героями Советского Союза из 107-го гвардейского Леонидом Соколовым и Иваном Кузнецовым за неделю до расформирования полка был переведен в 106-й гвардейский истребительный авиационный Висленский орденов Кутузова и Александра Невского полк.

Назначение получил в 3-ю авиационную эскадрилью на место уволенного в запас командира. Надо заметить, летчики этой эскадрильи, наслышанные о требовательности и строгости Худова, восприняли его назначение без особого энтузиазма. Связано было это с тем, что предшественник Петра, хороший, заслуженный боевой летчик,

прошедший на войне и огонь, и воду, с медными трубами мирного времени просто не справился. Привыкший к относительной фронтальной вольнице, не смог свыкнуться с повседневным жестким распорядком, стал выпивать, зачастую с подчиненными. Естественно, при таких обстоятельствах о высокой дисциплине и показателях в этой эскадрилье не стоило даже и заикаться.

С ходу жестко заворачивать гайки в эскадрилье Петр не стал. Но сразу же дал понять подчиненным, что беспорядка и расхлябанности не потерпит. В конце концов, личный авторитет, высочайший профессионализм вкупе с повседневной справедливой требовательностью принесли свои первые плоды – уже через два месяца эскадрилью было не узнать. А к концу года она стала лучшей в полку. Поэтому вполне закономерно, что уже в апреле следующего года гвардии капитан Петр Худов был повышен в должности: сначала назначен помощником командира полка, а еще через полтора месяца – штурманом полка – заместителем командира 106-го гвардейского истребительного авиаполка.

Летом 47-го Худовы побывали в своем первом семейном отпуске. Погостили в Яхrome, отдохнули в Крыму, а 14 ноября, уже в Венгрии, в дивизионном госпитале, на свет появился их первенец – дочь Нина.

Валентина и Петр Худовы с дочерью Ниной, г. Веспрем, Венгрия, февраль 1948 г.

* * *

10 октября 1949 года майор Петр Дмитриевич Худов был зачислен слушателем первого курса Военно-воздушной академии. Однако долго учиться не пришлось.

Недуг подкрадывался незаметно. Сначала легкие мимолетные недомогания, головокружения. Затем время от времени начинала немочь левая рука. Первое время Худов старался не обращать на это внимание: мол, мало ли что может почувствоваться, не бегать же по каждому такому поводу к врачу... Однако, когда в декабре месяце он потерял сознание прямо на занятиях, стало понятно, что произошло нечто серьезное и опасное.

Потом в госпитале имени Бурденко выяснилось, что у летчика в области сердца находится осколок. Тот самый осколок, который не сумел заметить врач в медсанбате после памятной бомбежки в сорок третьем...

Через неделю на очередном консилиуме Худова поставили перед фактом – летать он больше не будет. Более того, из армии придется уволиться. Да еще и с первой группой инвалидности.

17 августа 1950 года летная и военная карьеры майора Петра Худова закончились. Приказом главкома ВВС он был по состоянию здоровья уволен из Вооруженных Сил в отставку. Уволен, что называется, подчистую.

После увольнения из армии Петр Дмитриевич обосновался в Яхrome. Вести размеренную жизнь пенсионера никак не хотелось. Выход неумной энергии Петру Худову вскоре нашелся. По предложению Дмитровского райвоенкома подполковника Маркина Петр Дмитриевич активно включился в работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. За несколько лет он (частенько за свой счет) исколесил весь Дмитровский район и практически все Подмосковье, посещая школы и пионерские лагеря, воинские части и предприятия, где на встречах с детьми, молодежью, членами трудовых коллективов рассказывал о том, что довелось пережить самому, о героях-однопольцах, боевых традициях советской авиации, о том, как и какой ценой досталась нашему народу Победа.

Встреча с военнослужащими воинской части ПВО в п. Трудовая, фото 1972 г.

В сентябре 1957 года Худов сумел поступить на работу в Международный аэропорт Шереметьево диспетчером группы контроля технической готовности. Не летная работа, конечно же, но все-таки авиация... Работал в этой должности Худов более десяти лет. О том, как он работал, свидетельствует нагрудный знак «Отличник Аэрофлота» и удостоверение к нему за подписью министра гражданской авиации Бугаева. Причем эту работу Петр Дмитриевич совмещал с активной общественной деятельностью: по-прежнему выезжал и выступал на различных встречах, в 1958 году в качестве делегата от Дмитровского района принимал участие в XII партийной конференции в Москве, в 1965 году избирался депутатом Яхромского горсовета депутатов.

Но в 1968 году по состоянию здоровья с работой в Шереметьево пришлось расстаться.

В том же году, в декабре, в Дмитровской школе №1 Худов впервые за двадцать шесть лет встретил своего давнего друга и однокашника Владимира Махалина. Вот как описал эту встречу в газете «Путь Ильича» А. Кишкин:

«...Совсем недавно школу посетил Герой Советского Союза, бывший летчик-испытатель Владимир Николаевич Махалин. Здесь он учился в тридцатых годах. Здесь он познавал основы преподаваемых предметов. Здесь у него впервые зародилась мечта сесть за штурвал самолета. Вместе со многими своими одногодками он учился в местном аэроклубе.

Упорство в овладении летным мастерством помогло ему осуществить свою заветную мечту. Он стал пилотом.

Весть о предстоящем приезде долгожданного гостя взбудоражила весь ученический коллектив. Рады были и учителя. Все они гордятся своим бывшим питомцем, о сланном пути которого рассказывает хорошо оформленный стенд. Здесь, рядом с портретом В. Махалина, помещены фотографии других воспитанников школы, которые так же, как и он, стали крылатыми защитниками Родины.

...Актный зал полон. Впереди красногалстучная пионерия, а в глубине — комсомольцы-старшеклассники. Тепло встретили школьники появление за столом президиума Героя Советского Союза В. Н. Махалина и друга его юности Героя Советского Союза П. Д. Худова. Они вдвойне рады. Их волнует встреча с ребятами и встреча друг с другом. Ведь их жизнь сложилась так, что они не виделись четверть века...»

В 1970 году по приглашению председателя исполкома Дмитровского городского совета депутатов трудящихся Ивана Артемьевича Дозморова Худовы переехали в Дмитров.

Здесь Петр Дмитриевич продолжал активно заниматься общественной деятельностью: был членом правления в обществе «Знание», руководил военно-патриотической секцией, а в Доме пионеров и школьников — еще и авиамодельным кружком.

Владимир Махалин и Петр Худов на встрече с учащимися Дмитровской школы №1 в 1970 г.

Интересная деталь: комсомольско-молодежная бригада 2-го вязального цеха Дмитровской перчаточной фабрики включила Худова в свой состав почетным рабочим и добросовестно выполняла за него производственные задания, перечисляя соответствующие деньги. О чем рапортовали непосредственно Петру Дмитриевичу.

Нынче такая инициатива была бы расценена как мошенничество, содержание «мертвых душ» и могла бы стоить директору фабрики должности, а то и уголовного дела. Но тогда трудиться «за себя и за того парня», особенно за такого, как Герой Советского Союза Петр Худов, не только не возбранялось, но было почетным. Такие уж были времена. Согласитесь, не самые плохие...

Жизнь между тем шла своим чередом... Было в ней все — и радости, и невзгоды. Радости от того, что повзрослели дети, появились и выросли внуки. От того, что, пусть и нечасто, случалось встретиться со своими боевыми друзьями и однополчанами.

Наверное, поэтому так болезненно воспринял Петр Дмитриевич развал великой страны, которую он защищал в годы Великой Отечественной войны, ввергнутой в нищету и межнациональные распри. Больно было от того, что в лихие 90-е ему, Герою Советского Союза, пришлось переоформлять ставшую мизерной военную пенсию на гражданскую, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Всего хватало. Но как бы

тяжело ни было, Петр Худов никогда ни на что не жаловался, полагая это ниже своего достоинства. Уж так был воспитан и закален...

В июне 1999 года решением Совета депутатов Дмитровского района Петру Дмитриевичу Худову было присвоено звание «Почетный гражданин города Дмитрова».

Через пять лет Петр и Валентина Худовы отпраздновали «бриллиантовую свадьбу». Согласитесь, прожить шестьдесят лет в любви и согласии дано не каждому...

Последние два года Петр Дмитриевич тяжело болел: фронтовые раны, диабет, преклонные годы все-таки делали свое дело. Но до самого своего последнего дня он не терял ясности ума и твердости духа.

4 июня 2009 года, прославленный ас-истребитель, Герой Советского Союза Петр Худов ушел из жизни.

Но, как говорят, летчики не умирают. Они просто уходят в небо. В небо, выше которого ничего нет.

- Книга 1. Аркадий Зюзин
“Непобежденный”
- Книга 2. Ирина Пятилетова
**“Священномученик епископ
Дмитровский Серафим (Звездинский)”**
- Книга 3. Аркадий Зюзин
“Первые в созвездии СУ”
- Книга 4. Аркадий Зюзин
“На защите Отечества”
- Книга 5. Лариса Черкашина
“Александр Пушкин. Тайны древа”
- Книга 6. Аркадий Зюзин
“Притяжению земному вопреки”
- Книга 7. Ирина Пятилетова
**“Странствия русского пилигрима.
Святая земля”**
- Книга 8. Ирина Соловей
“Архангельское, “что в бору”
- Книга 9. Николай Черкашин
“Легендарный Севастополь”
- Книга 10. Аркадий Зюзин, Николай Черкашин
“Бросая вызов бездне”
- Книга 11. Ирина Пятилетова
“Анна из рода Патрикевых (Иоанна Дмитровская)”
- Книга 12. Татьяна Мирошник, Владимир Мирошник
“Минное поле”
- Книга 13. Николай Черкашин
“Глубины, Дельфины, Галина...”
- Книга 14. Николай Черкашин
“Брестские врата”
- Книга 15. Аркадий Зюзин
“Четвертая рота. Афганистан”
- Книга 17. Николай Черкашин
“Герои К-19”
- Книга 18. Аркадий Зюзин
“Космические инженеры”
- Книга 19. Аркадий Зюзин
“Семь зимних дней под Дмитровом”
- Книга 20. Аркадий Зюзин
“Комбат-батяня”
- Книга 21. Аркадий Зюзин
“Дмитров в Смутное время”
- Книга 22. Ирина Пятилетова
**“Летопись героического похода.
Конный переход Ашхабад - Москва.”**
- Книга 23. Николай Черкашин
**“Федор Конюхов: одиночное
плавание. Путешественник глазами
путешественника.”**
- Книга 24. Николай Черкашин
“Подземный линкор”
- Книга 25. Людмила Рябиченко
**“Родине два раза не присягают!
Две стихи Тимура Апакидзе”**
- Книга 26. Николай Черкашин
“На книжных бастионах”
- Книга 27. Наталья Табунова
**“Елизавета Федоровна
Романова в Дмитрове”**
- Книга 28. Евгений и Олег Курочкины
**“Парсуна святителя Серафима
Звездинского.
Корытцевы из Костино:
от крыльца - до Креста.”**
- Книга 29. Лариса Черкашина
“России двинулись сыны.”
- Книга 30. Евгений и Олег Курочкины
**“Васнецовы в Дмитровском
крае”**

Книга 31. Аркадий Зюзин
“Небо Петра Худова”
Рекомендуем посмотреть!

1. Художественный фильм
“В бой идут одни ”старики” (1973 г.)
Режиссер Л. Быков
Производство: КС им. А. Довженко
2. Художественный фильм
“Истребители” (12 серий), (2013 г.)
Режиссер А. Мурадов
Производство: “Star Media”
3. Документальный фильм
“Повелитель Яков.” (2023 г.)
Производство: СМТ “Вечерний Дмитров”
Режиссер Е. Рой

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru, berega.pro

© Образовательный проект «Берега» имени Дарьи Дугиной
Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко
Литературный редактор Ирина Пятилетова
Художественный редактор Аркадий Зюзин
Корректор Елена Рыкова
Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта
Москва 2023

